

Варина Цветаева

ПИСЬМА

Анатолию Гителеру

*МАРИНА ЦВЕТАЕВА
ПИСЬМА
АНАТОЛИЮ ШТЕЙГЕРУ*

Музей М.И.Цветаевой в Болшево
Издательство «Луч-1»
Калининград М.о. 1994

Московский областной комитет по культуре
Отдел культуры г.Калининграда М.о.

Составление и подготовка текста **С.Н.Клепининой**
Примечания **Р.Б.Вальбе**
Художник **О.А.Кафанова**

Выражаем благодарность **Е.Б.Коркиной**
за текстологическую консультацию

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящая книга практически впервые знакомит широкий круг читателей с письмами Марины Цветаевой Анатолию Штейгеру.

Об истории их знакомства пишет Виктория Швейцер: "Несколько лет назад (*отсчет от 1936 года — С.К.*) он подарил ей свой сборник "Эта жизнь. Книга вторая" с восторженной надписью: "Марине Ивановне Цветаевой, великому поэту. От глубоко преданного А.Штейгера. 1932." (**примечание: На книге — пометка Цветаевой: "Хранить. МЦ". В настоящее время хранится в библиотеке русского отдела Университета Женевы. [...]**) Они виделись однажды: Штейгер подошел к ней на ее вечере. По близорукости Цветаева даже не помнила его лица". (В.Швейцер "Быт и бытие Марины Цветаевой", М., СП Интерпринт, 1992, с. 423). Далее — слово самой Марине Ивановне: "Месяца два назад, [...] получила — уже в деревне — письмо от брата Аллы Головиной — она урожденная Штейгер, воспитывалась в Моравской Тшебове — Анатолия Штейгера, тоже пишущего [...]"

Письмо было отчаянное: он мне когда-то обещал, вернее я у него попросила — немецкую книгу — не смог — и вот, *годы спустя* — об этом письмо — и это письмо — вопль. Я сразу ответила — *отозвалась всей собой*. [...] Он — туберкулезный, давно и серьезно болен — ему 26 или 27 лет. Уже *привязавшись* к нему — обещала писать ему каждый день —

пока в госпиталь, а госпиталь затянулся, да как следует и не кончился — госпиталь — санатория — невелика разница. А он уже — привык (получать) — и мне было жутко думать, что он будет — ждать. И так — каждый день, и не отписки, а большие письма, трудные, по существу: о болезни, о писании, о жизни — все сызнова: для *данного* (трудного!) случая. Усугублялось все тем, что он сейчас после полной личной катастрофы — кого-то *любил*, кто-то *бросил* (больного!) — и только об этом и думает и пишет (в стихах и в письмах). Мне показалось, что ему от моей устремленности — как будто — лучше, что — оживает, что — *м<ожет> б<ыть>* — выживет — и физически и нравственно..." (Марина Цветаева "Письма к Анне Тесковой", СПб, Внешторгиздат, 1991, с 122-123.)

В 1936г. А.Штейгер был уже известным поэтом, к этому времени вышло несколько его книг, он печатался в русской зарубежной периодике. Все его письма к Цветаевой утрачены, кроме одного — от 18 сентября, оно нами публикуется. Не сохранилось также письмо Марины Ивановны — ответ на "исповедь на шестнадцати страницах".

Письма, предлагаемые вниманию читателей (точнее — их ксерокопии), переданы директору Музея М.И.Цветаевой в Болшево З.Н.Атрохиной в 1993г. жительницей Брюсселя А.Кветковской (Поповской), подругой покойной сестры Штейгера А.С.Головиной.

Однако, зная, что публикация их (начатая в нью-йоркском журнале "Опыты" в 1955-57 гг и остановленная на половине) в свое время была запрещена А.С.Головиной, и будучи знакомы с международным законодательством, — мы не смогли взять на себя смелость единолично решить судьбу их. И начали публикацию, лишь получив официальное разрешение вдовца

А.С.Головиной господина барона Филиппа Жиллеса де Пелиши.

Мы постарались полностью сохранить авторскую пунктуацию Цветаевой и, насколько это возможно в нерепринтном издании, — ее орфографию.

В данном издании впервые публикуется записка от 5 сентября 1936 г., впервые полностью — письмо от 29 августа 1936 г. и впервые в России — открытка от 17 августа 1936 г.

Так или иначе, бóльшая часть писем Цветаевой Штейгеру только входит в литературный и научный обиход. Надеемся, что книга привлечет внимание не только любителей цветаевского творчества, но и литературоведов.

С.Н.Клепинина,
научный сотрудник
Музея М.И.Цветаевой
в Болшево.

Комментатор сожалеет о неполноте своих примечаний и надеется, что будущие исследователи восполнят имеющиеся пробелы

Р.Б.Вальбе

Анатолий Сергеевич Штейгер¹

Анатолий Сергеевич Штейгер родился 7 июля 1907 года в отцовском имении Николаевка бывшей Киевской губернии. Семья Штейгеров принадлежала к старинному швейцарскому роду, одна из ветвей которого поселилась в России ещё в начале 19-го века.²

Его детство протекало летом в украинской усадьбе, зимой — в Петербурге-Петрограде, а затем — в Константинополе. Шестнадцати лет Анатолий начал самостоятельную жизнь. Судьба привела его сначала в Германию, а потом — в Париж, где он провел несколько лет и куда постоянно наезжал в предвоенные годы.

Путь в литературу он начал несколько необычно, — уже в раннем возрасте он пробовал писать исторические романы, которые несли на себе естественную печать детскости. Но с 16-17-ти лет он всецело посвятил себя поэзии. Среди его глубоких поэтических привязанностей — А.Блок и О.Мандельштам, Г.Иванов и А.Ахматова и, конечно же, Марина Цветаева, с которой он состоял в недолгой, но чрезвычайно интересной переписке.

Как человека утонченной культуры его одинаково привлекали и старина, и искусство, и экзотика, и природа. Совершенно естественно при этом, что так называемый "новый мир", будь то коммунизм в России или фашизм в Германии, вызывали у него поначалу грустную иронию, а под конец — ужас и отвращение.

У него, одновременно замкнутого и общительного, было мало близких друзей, но принимали его повсюду, и дружил он с людьми всякого звания и национальности.

Его короткая жизнь была часто мучительной и трудной, но всегда — на редкость насыщенной. "Все столицы видели бродягу", — писал он, — но ему были знакомы и старинные итальянские города, и албанская экзотика, и бессарабская или чешская деревня. Только война и болезнь заперли его в Швейцарии в последние годы жизни. Свою смерть он предвидел и предсказал. Умер А.С.Штейгер 24 октября 1944 года и погребен в Берне в общей могиле с отцом и матерью.

Настоящее собрание стихов было им самим подготовлено во время войны, когда, подавленный происходящим, он сознательно отказался от творчества.

А.Головина

Примечания:

-
- 1 Эта биографическая заметка А.Головиной опубликована в сборнике стихов А.Штейгера "2x2=4" (Russica Publishers, Inc. New York, 1982)
  - 2 По семейному преданию барон Штейгер участвовал в войне 1812 г. в российской армии.

А.С.Штейгер

М.И.Цветаева

Башня замка д'Арсин

Moret-sur-Loing¹. 29го июля 1936 г.

Первое (и единственное) разочарование — как Вы могли называть меня по имени-отчеству — как все (нелюбимые и многоуважающие). Ведь мое имя *было* из каждой моей строчки, и если я, написав мысленно — зовите меня просто М — этого не написала письменно — то только от нежелания явности (грубости), как часто — не забудьте — буду умалчивать — *вопиющее*. Мне не захотелось своим словом становиться поперек своему имени на ваших устах, не хотелось становиться между именем и устами, почти что *entre la coupe et les lèvres**. Я *знала*, что Вы напишете — М.

Вся Ваша исповедь² — жизнь Романтика. Даже его штампованная биография. Вся Ваша жизнь — история Вашей души с единственным, в ней, *Geschehniss'*^{ем**}: Вашей душою. Это *она* создавала и направляла события. Вся Ваша жизнь — ее чистейшее авторство. И что можно в ответ на всё это: *всего Вас* — с Тетей — и с *Frä. Martha*^{***3} — и с тем корабельным канатом, режущим жизнь и душу на́-двое — и с нищенством — и с тем боевым прадедом⁴ — и с той ниццкой голубой рубашкой⁵ — и с Вашей белой санаторской (у Вас на руке перстень — по белизне блеска — серебряный — чей? Чтó — на нем — за ним — в нём?) что можно, в ответ на *Geschehniss Sie*^{****}, — как не обнять? *Всего Вас со всем* внутри имеющимся: с Вашим безмерным сердцем — и недостаточными лёгкими, ибо — предупреждаю: мне в (...*"таким как Вы"* — Вам будет холодно, ...*"в Вас"* — не поверите) — в *нас* всё дорого, вплоть до

---

* между бокалом и губами (фр.)

** событием (нем.)

*** фрэйляйн Марта (нем.)

**** событие — Вас (нем.)

ущербов, и недостаточные легкие — не меньше — избыточного сердца

— и если я сказала *мать* — то потому что это слово *самое* вмещающее и обнимающее, самое обширное и подробное, и — *ничего* не изымающее. Слово перед которым *все, все* другие слова — границы.

И хотите Вы или нет, я Вас уже взяла туда внутрь, куда беру всё любимое, не успев рассмотреть, *видя уже внутри*. Вы — мой захват и улов, как сегодняшней остаток римского виадука с бьющей сквозь него зарею, который окунула внутрь вернее и вечнее, чем река Loing, в которую он *вечно* глядится.

Это мой захват — не иной. (В жизни, я может-быть никогда не возьму Вашей руки, которая — вижу — будет от меня в пол-аршине расстояния, вполне достижима, так же достижима, как мундштук, который непрерывно беру в рот. Взять вещь — признать, что она *вне* тебя, и не "признать", а тем самым жестом — *изъять*: переместить в разряд внешних вещей. С этой руки-то все разставания и начинаются. Но, *зная* это, может-быть все-таки возьму — потому-что как же иначе *дать?*... хотя бы — почувствовать).

— Приеду к Вам показаться. Дитя, мне показываться — не надо. И наперед Вам говорю — каким бы Вы ни были, когда войдете в мою дверь, — я всё равно Вас буду любить, потому-что уже люблю, потому-что — уже случилось такое чудо — и дело только в степени боли — и чем лучше Вы будете — тем хуже будет — мне.

Я — *годы* — по-мóему уже восемь лет — живу в абсолютном равнодушии, т.е. очень любя того и другого и третьего, делая для них всё, что могу, потому-что надо же, чтобы кто-нибудь делал, но без всякой личной радости — и

боли: уезжают в Россию — провожаю, приходят в гости — угощаю.

Вы своим письмом пробили мою ледяную коросту под которой сразу оказалась моя родная живая бездна — куда сразу и с головой провалились — Вы.

... "Об этом пишет André Gide (в том-то и том-то), но у меня это не вычитанное. Мы не только не вычитываем, мы — вчитываем, и нисколько не буду удивлена если прочтя вдоль и поперек Faux-Monnayeurs и даже Journal des Faux-Monnayeurs⁶ (не читала ни того, ни другого) никогда и нигде не обнаружу Вашего "об этом пишет André Gide"... Я так вдоль и поперек исчитала всего Lenau⁷ и никогда не нашла четырех моих любимых его строк.

— "Да знаете ли Вы, что́ такое — я ...?"

— Нет, но знаю, кто такое — *я*: хватит на обоих, т.е. на всю боль: Вашу от меня, мою от Вас, нас обоих — от нас, — варьируйте как хотите, ибо комбинации неисчислимы — хватит.

... "но, которого я боюсь больше всего на свете, и ненавижу — и всегда заранее на всех губах вижу —"

(— на моих, дружочек, Вы увидите только: — *на́*.)

Насчет "приходит в пах" — Вы меня не поняли. Это — *им* приходит в пах, нам — только в душу, и не приходит — было всегда. Знайте одно: когда душа *есть*, она — *всё*: не-души — нет, и никакого отдельного паха нет: это для докторов *есть*: "ранен в пах", мы — всегда в душу, как тот средневековый голый герцог, в ответ на удивление крестьянина — не холодно

ли ему: — Ты же ходишь с открытым лицом, и тебе не холодно. Так я — весь лицо." Я в очень раннем детстве например никогда не могла понять: — "Мама, у меня тоска или меня тошнит?". А теперь утверждаю, что всегда — тоска, что тошнит — нет.

— "Ведь требовал я невозможного, понимая, что требую невозможного..." Не забудьте, что мнящаяся нам невозможность вещи — первая примета ее естественности, само собой-разумеемости — в мире ином. Ведь все мы удивлены, что нельзя ходить по морю: раз море есть — и ноги есть. И когда Христос идет по водам⁸ — мы сразу узнаём — и успокаиваемся. Как сразу, во сне, узнаём упругость (держательную способность) воздуха. И разве, сейчас, не естественно — что я Вам пишу — что пишу? Разве не чудовищно было бы — мне (будучи мной) на Ваше письмо отозваться — иначе? Разве не то было бы — чудо (гнусное).

Всё, что не чудесно — чудовищно, и если мы в этом чудовищном обречены жить — это не значит, что оно — закон, это значит только, что мы — вне нашего закона.

(Всё о том же, т.е. Вашей "невозможности")... Мы играем — не с теми. (Те — есть). Мы от нетерпения (у души — свои сроки) опережаем настоящего партнёра и кидаемся к любому, внушая ему быть — любимым. Заметьте, кстати, какие мы не-с-теми (с не-теми!) — жалкие: ни на что непохожие, нелепые, уроды какие-то... Когда Вы себе с другим перестаете нравиться (хотите "исправиться" — или развратиться) — уходите от него, потому что он Вам — яд.

Будьте только с тем, кто Ваше самоощущение повышает,

подтверждает (— Значит: будь один? — Да, значит — будь один. — Нет, значит — будь со мною.) на выбор, ибо оба ответа — одновременно и — *предельно мои*.

— Пишу Вам в свой последний свободный день. Завтра — 30го — укладка, после-завтра — отъезд: пока-что в Ванв, а оттуда — возможно — в тот самый замок, где мы нынче были с вами — в моем сне. У нас с вами была своя собака, т.е. особая, отдельная от всех, и всё дело было в ней. Я была озабочена Вашей светящейся белизной среди других загорелых лиц, Ваше лицо сверкало как серебро, и по этому сверканию (я и во сне близорука) я Вас узнавала. Замок тот — в горах, и оттуда мне еще легче будет с Вами дружить. (Замок очень тёмный, весь в елях, — оттого Ваше лицо так и сверкало. —)

Спасибо за тетрадь о прадеде. Орёл был⁹! Я бы за такого прадеда — дорого дала и много из него сделала. Напишите о нем: *его*. Ведь, честное слово — стоит всех синих рубашек мира! Напишите — поэму: ведь Вы умеете писать стихи. Дайте его в ряде видений. Кто *был* — должен быть *всегда*, а это — забота поэтов. Вспомните рильковского *Корнета*⁹, только Р<ильке> — в нем — почувствовал себя ребенком, а Вы в своем — почувствуйте себя *мужем*. (Это навряд ли Вам будет — в жизни — дано, на Вас неизгладимая *женская* печать: женских рук над вашим младенчеством¹⁰, та же печать, что на Р<ильке> — он *никогда* не стал *мужем*, хотя умер пятидесяти лет. Но дал он — и Мазепу¹¹ и нашего Riese von Muróm (Sass Луа — der Riese von Muróm)*¹² и Авессалома¹³ — и мужа из мужей — Царя Давида¹⁴, и скольких! Дайте — *деда* и подарите его — *мне*.

---

* Богатырь из Мурома (сидел Илья — богатырь из Мурома) (нем.)

Не пишите мне до верного адреса — не хочу пересылок. Т.е. пишите — и не отсылайте, извещу — скоро.

Дома (в Ванве)¹⁵ постараюсь напасть на след своих Юношеских стихов — только не затеряйте, вторых у меня нет — (стихи 1912г. — 1916г.; не печатались) и всё сделаю, чтобы достать Вам Стихи к Блоку¹⁶ (одна книжечка должна где-то быть) — я хотела Вам перстень (серебряный) — но у Вас есть, и двух — нельзя. (Мой перстень — который хотела — и который ношу на левой руке — *абсолютно-Ваш.* весь — *Вы*, но, повторяю, не надо и нельзя — двух, у Вас тогда будет: "main baguér"*... и каждый из двух потеряет свой смысл. Поверьте, мне очень трудно от этого *видения* (своего перстня — на Вашей руке) отказаться, но делаю это — для Вас. Когда Вы мне напишете, что на Вашем, я Вам напишу, что на моём-Вашем. Не забудьте!)

Карточку тоже пришлю: себя в 1916г. и себя в 1936г. (собственно, летом 1935г. — *mais c'est tout comme***, а 1916 г. — 1936г. — дата.)

Ну — вот.

МЦ

Приписка снизу:

Тетрадь сохраню и верну по первому слову. — Какая скука — рассказы в "Современных Записках" — Ремизова и Сирина. Кому это нужно? Им — меньше всего, и именно поэтому — никому.

Прочтите: Письма оттуда и непременно напишите, дошли ли. Лучшая вещь в книге¹⁷.

---

* рука в перстнях, кольцах (фр.)

** но это всё равно (фр.)

Примечания:

- 1 Морэ-сюр-Луан — средневековый город под Фонтенбло (Франция) на реке Луан, где М.Цветаева с сыном прожили с 7 по 31 июля 1936 г.
- 2 Штейгер прислал Марине Ивановне письмо-исповедь на шестнадцать страниц.
- 3 См. об этом в посмертно опубликованной рукописи А.Штейгера, вышедшей в свет под названием "Детство Анатолия Штейгера. Из его воспоминаний". ("Новый журнал", Нью-Йорк, 1984, N 154.)
- 4 Барон Николаус Фридрих Штейгер (1729-1799), бургомистр Берна. В годы вторжения армии генерала Бонапарта возглавил борьбу за независимость страны. Ему поставлен памятник в Бернском соборе.
- 5 Голубая (синяя) рубашка — лирический мотив, к которому А.Штейгер постоянно возвращался в своем творчестве.

Стыдно, смешно и тяжело
Помнить годами вздор:
Синюю эту рубашку,
Синий ее узор. ("Совр. Зап.", 1936)
- 6 Речь идет о романе французского писателя Андре Жида (1869-1951) "Фальшивомонетчики" и о книге, посвященной рождению этого романа, — "Дневник фальшивомонетчиков".
- 7 Николаус Ленау (1802-1850) — австрийский поэт-романтик.
- 8 Христос, идущий по водам — см. Евангелие от Матфея — XIV: 25-28; от Марка — V, 48-49; от Иоанна — VI,19.
- 9 Герой новеллы австрийского писателя Райнера Марии Рильке "Песнь о любви и смерти корнета Кристофора Рильке" — представитель рода Рильке, погибший в войне с турками в XVII в.
- 10 Ср. в письме М.Цветаевой к Рильке от 9 мая 1926 г.: "Я верю лишь в материнских сыновей. Вы тоже — материнский сын. *Мужчина* по женской линии — потому так *богат* (двойное наследство)". Цит. по книге "Небесная арка. Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке", СПб., "Акрополь", 1992, с.54.
- 11 О гетмане Мазепе в стих. Р.М.Рильке "Буря" ("Sturm" — нем., из "Книги образов").
- 12 Цветаева неточно цитирует строку из стихотворения Рильке ("То были дни, когда в огне и дыме...") из цикла "Цари" ("Книга образов"). У Рильке: "Was Luu — der Riese von Murot" ("Был Илья — богатырь из Муром" — нем.).
- 13 Цветаева имеет в виду стих. Рильке "Отпадение Авессалома". Сюжет об

Авессаломе, юном сыне библейского царя Давида, восставшем на отца, заимствован поэтом из 2-ой Книги Царств (13-19).

- 14 К образу библейского царя Давида Рильке обращался неоднократно: "Давид поет Саулу", "Ависага", "Плач об Ионафане", "Отпадение Авессаломе".
- 15 Ванв — южное предместье Парижа, где М.Цветаева жила с середины июля 1934 г. до июля 1938 г. на улице Жан-Батист Потэн, д. 65.
- 16 Отдельной книгой "Стихи к Блоку" М.Цветаевой вышли в Берлине в 1922 г.
- 17 "Современные Записки" — крупнейший литературно-политический журнал русской эмиграции, выходивший в Париже в 1920-1940 гг. В нем печатались М.Цветаева и А.Штейгер. В № 61 за 1936 г. опубликованы рассказы: "Болтун" А.М.Ремезова (1877-1957) и "Весна в Фиальте" В.Сирин (псевд. В.В.Набокова; 1899-1977). В этом номере также публикуется "Оттуда (Из писем старого друга) 1931-1935 гг.", автор которой был скрыт за подписью Х. В предисловии В.Руднева указывалось, что имя этого лица, проживающего в СССР, "из понятной осторожности не может быть названо. <...> Госпожа Х принадлежит к духовной élite старой дореволюционной интеллигенции, по возрасту — к тому поколению, которое складывалось в эпоху расцвета русского символизма и под большим его влиянием" (с.353).

Как явствует из посвящения А.Штейгеру на книге "Ремесло" (см. с.83 наст. изд.), М.Цветаева знала, что автором писем "Оттуда" была сестра друга ее юности Аделаиды Герцык (1874-1925) — Евгения Казимировна Герцык (1878-1944), переводчик Ницше, литератор, близкий к Вяч.Иванову и М.Волошину, а также к Л.Шестову, С.Булгакову и Н.Бердяеву.

Vanves¹ (Seine) 65, Rue J.B.Potin*

2го августа 1936 г., воскресенье

Дружочек! Пишу Вам уже из Ванва, где я до 7го. Если очень поторопитесь — еще застанете. Но если Вам сейчас не хочется — или не может быть — торопиться — ждите моего письма из того замка, куда я Вас с собой увожу 7го, в 7

---

* Ванв (Сена) 65, ул.Ж.Б.Потэн

ч<асов> утра — как 31го — с собой — увезла из Moret-sur-Loing — как отныне буду увозить с собой — всюду (и, вещь мало-вероятная) — вплоть до того часа, когда повезу Вас — к Вам. Тогда познакомьтесь: Sie — Ihrer mit Sie — meinem, Sie — Sie mit Sie — ich*, и может быть совпадут — совпадете — как совпадают наложенные друг на друга лица преступников и биографии поэтов. (Вот и объяснение тому штампу¹, который Вас может-быть в том письме смутил. Я иногда думаю, что Вы — я, и не поясняю. Когда Вы будете не я — спрашивайте.) Но Вы, минутами, я — до странности: 1) игра в лодочку: *вечно* на ней проверяла себя и другого (отродясь!) — кого выброшу — выбросим (и *всегда* — меня!) Но одного Вы еще не знаете: вопля одной молодой женщины XVIIIв. — Je saurerais mon mari — et me pourrais avec mon amant!**

И ничего от нее не осталось кроме этого вопля. Всё осталось. Вся — осталась. Это ведь стóит — всех наших стихов?

Дальше: слово Уайльда, которого особенно (воинствующе, оскорбленно) люблю сейчас из-за немодности, как когда-то съумела любить вопреки моде — еще более оскорбительной.

Только оно, в точности — та́к:

— Сначала дети родителей любят, потом дети родителей — судят, под конец они их прощают².

Начинаю держать обещания (карточки).

Про дружбу с Вами не говорю никому.

МЦ

---

* Вы — Ваш с Вами — моим, Вы — Вы с Вами — мной (нем.)

** Я спасла бы своего мужа и пошла бы ко дну вместе со своим возлюбленным (фр.)

Примечания:

- 1 Речь идет о строках из письма А.Штейгеру от 29 июля: "Вся Ваша исповедь — жизнь романтика. Даже его штампованная биография".
- 2 Афоризм в пьесе английского писателя Оскара Уайльда (1854-1906) "Женщина не стоящая внимания" завершается по-иному: "...И почти никогда им не прощают".

St.Pierre-de-Rumilly,
Haute Savoie,
Château d'Arcine¹
8^h0 августа 1936г.

Вот, дружочек, поистину *сыновний* поступок: сложная операция — туберкулезная опухоль — на-днях режут — может — зарежут...

Если это сознательно, т.е. — чтобы сделать мне больно, т.е. — чтобы я больше Вас любила — дружочек, мне всё равно уже больно, и не забудьте, что я *всегда всё* обскакиваю:

... тот поезд, на который — все

Опаздывают!²

(и, что важнее — *всё!*)

Но есть животная боль, тревога за жизнь, — тот ланцет, перед которым я бессильна, ибо не я режу и не *меня* режут — и если Вы *этот* ланцет хотели в меня всадить —.

Если же бессознательно — то опять-таки Вы моего отношения не дооцениваете, — для меня это не может быть простой (хотя бы очень волнующей) новостью.

Но — в последнем счете — может-быть лучше что написали. Ибо — не напиши, напиши после операции — моя первая мысль была бы: — *Резали*, а не *знала* — и прошел бы холод чужести. Лучше — живое мясо близости.

Как только сможете писать — напишите: что́ у Вас, в точности, с лёгкими — и в лёгких? Я туберкулёз — знаю, это моя *родная* болезнь. И что́ это была за опухоль? Где? Словом, всю историю болезни. И о самой операции напишите. Чем усыпляли? И что́ Вы, последнее, ощутили? Подумали? И — как проснулись? С чем?

Всё, всё.

Это — тоже не письмо. Письмо — впереди, и — большое. Но не могу писать Вам, пока не знаю — что́ с Вами (беседовать с Вашей *душой*, пока не знаю — что́ с Вашим телом — которым Вы вольны пренебрегать, я — нет: потому что оно — *не мое*.)

Между Вашей страной и моею — всего только 25 вёрст. Пришлите мне виды Вашего Heiligen Schwendli, а я — потом — свои. У меня есть для Вас две маленьких радости, верных, но это всё — потом.

Кончаю, потому-что иначе начну беседовать с Вашей душою.

Жду вести, по возможности — скорой, если сами не можете — попросите написать своих — всего несколько слов: жив, здоров, благополучно.

Обнимаю Вас и непрерывно о Вас думаю.

МЦ

Приписка снизу:

Спасибо за Р<ильке>³. И я Вам о нем расскажу.

У меня чувство, что нам с вами надо прожить целую жизнь — назад и вперёд.

(О прожить и жизни напишу отдельно, я нынче с этим проснулась).

Примечания:

- 1 Замок д'Арсин в Верхней Савойе (Франция) неподалеку от городка Сен-Пьер де Рюмийи принадлежал выходцам из России — семейству Штранге. Там находился русский пансион-санаторий, где неоднократно отдыхал С.Я.Эфрон. Цветаева дважды приезжала в эти края: летом 1930 г. она поселилась в деревушке поблизости от Шато д'Арсин и летом 1936 г. — в самом замке. О нем она пишет 28 августа 1936 г. Ариадне Берг: "Я в Савойе — (мы с Муром) — в настоящем феодальном замке — XIII века, для меня, к сожалению, слишком приспособленном к человеческому образу жизни — есть и вода, и электричество и — увы — мебель, хотя и не новая, но — явно — не то — но я забралась на чердак, в никем не оцененную комнату — вроде пещеры, с крохотным оконцем пробитым во всей толще стенки — с каменным полом en pierre de taille (из тесанного камня — фр.) — и здесь блаженствую, т.е. пишу все утра!".

(Письма М.Цветаевой к Ариадне Берг. Умса-Press, Paris, 1990, с. 74)

- 2 Строка из стих. цикла "Поэт" ("Поэт — издалека заводит речь...").
- 3 В письме А.Тесковой от 18 сентября 1936 г. Цветаева упоминает, что А.Штейгер летом прислал ей "листочек с рильковской могилы" в Рароне.

St.Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie)

Château d'Arcine

12го августа 1936г., среда

Первый ответ на вид Вашего письма: удар в сердце — и ком в горле, и пока я письмо (аккуратно) вскрывала — ком рос, а когда дело дошло до вида букв — глаза уже были застланы, а когда я, приказав им — или себе — подождать — прочла и дочла — я уже ничего не видела — и всё плыло. И я сама плыву сейчас, вместе с глазами и буквами.

(Описываю, как с Марса — или даже — Сатурна — но это со мной — так редко, так никогда)

Мой родной, ведь это тоже была — операция, вскрытие письма было вскрытие нутра, и я так же честна и точна в своём описании, как Вы — в своём — и я тоже больше сегодня ничего не напишу Вам, кроме

Любящая Вас

М.

(На открытке написано: Ленинград — LENINGRAD. Львиный мостик на канале Грибоедова)

St.Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie) Château d'Arcine

13го августа 1936г., четверг

Большое письмо, когда окрепнете: в нем много мыслей, и еще больше чувствований — много всего — вся я — а это (говорят) и здоровому — много. Будем ждать. Пока же — очередной Петербург, и привет, и заверение в непрерывности моей памяти — и умоляю не писать, если трудно — и умоляю

Pierre de Quincy, Comte de Savoie (Château d'Arrens)

Joseph de Savoie, Comte de Savoie: à son

deuxième mariage, le 15 Mars 1712

de son mariage - les 2 - à 1710

de son mariage - les 2 - à 1710

de son mariage - les 2 - à 1710

de son mariage - les 2 - à 1710

de son mariage - les 2 - à 1710

de son mariage - les 2 - à 1710

de son mariage - les 2 - à 1710

de son mariage - les 2 - à 1710

de son mariage - les 2 - à 1710

de son mariage - les 2 - à 1710

de son mariage - les 2 - à 1710

de son mariage - les 2 - à 1710

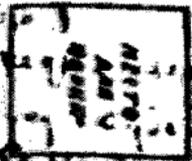
de son mariage - les 2 - à 1710

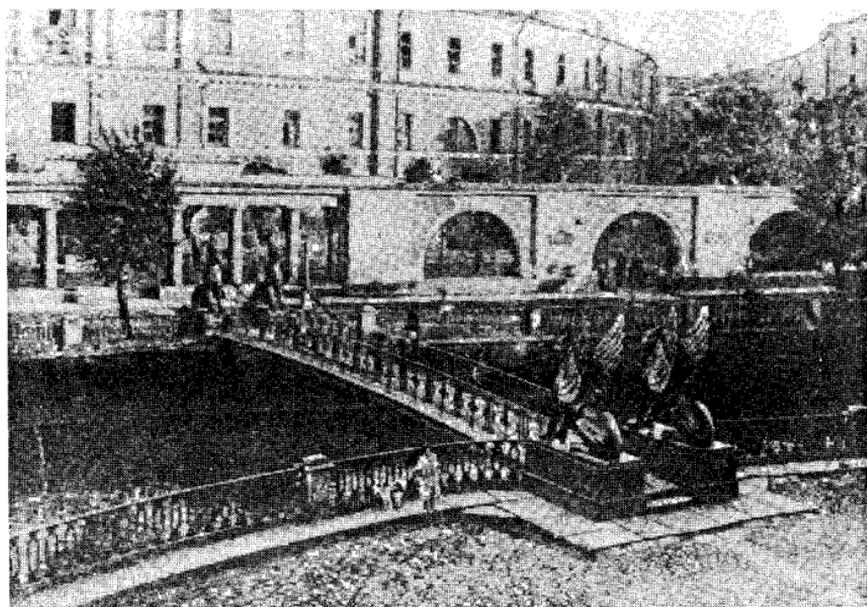
de son mariage - les 2 - à 1710

de son mariage - les 2 - à 1710

NOTORIA
RADIOM
KA

**Открытка с видом Львиного мостика на канале
Грибоедова в Ленинграде, посланная М.И.Цветаевой
13 августа.**

написать, если *можно*: как т^е, боль, сон, хочется ли есть, можно ли читать, всё, всё, — но *по слову* обо всем, что-бы не уставать, п<отому> ч<то> я хочу *во всем* Вам быть радостью и силой, и никогда не сделаю Вам ни больно, ни вредно, и я готова целый месяц Вам не писать и даже о Вас не думать (остановить внутри) — если это нужно.

Мой мальчик родной, Вам сейчас надо *вылежать* — и отложить все мысли — на потом. Чувствуйте себя, пожалуйста, хотя бы на эти дни, в большом глубоком облаке. (О, Господи, насколько бы проще — подойти и взять за руку — вместо стóльких слов!). (Я вчера целый день переписывала Вам из записной книжки то письмо.)

Если это Вас радует — и не утомляет — буду писать Вам понемножку каждый день. А большое письмо — когда *по чести* скажете: можно. А читать (книжки) Вам можно? У меня есть одна — чудная и очень легкая на вес.

Приписка сбоку:

Узнаёте Петербург? М<ожет> б<ыть> на этом мосту — в детстве — стояли?¹ Вчера бродя по своему огромному замковому чердаку, вдруг вижу: какие-то снимки. Наклоняюсь: Тунское озеро² — и двое юношей. И подпись: фотография С.Штейгера³. Это — Ваш отец? Я даже не знаю Вашего отчества.

Храни Вас Бог! Выздоровливайте, милый!

М.Ц.

Примечания:

- 1 А.Штейгер жил в Петербурге всего две зимы перед первой мировой войной. "Я отдал бы половину моей жизни, чтобы мне в 1912 году было не пять лет, а хотя бы семнадцать, чтобы я мог ... сознательно переживать последние дни

этого обреченного и удивительного города." (Детство Анатолия Штейгера Из его воспоминаний). Г.Адамович в статье "О Штейгере, о стихах, о поэзии и прочем" рассказывает: "Штейгер способен был без конца расспрашивать о Петербурге ... для него это был потерянный рай." (Опыты, 1956-57 г.)

- 2 Озеро, окруженное высокими горами в Бернском кантоне Швейцарии.
- 3 Отец Анатолия Штейгера — барон Сергей Эдуардович фон Штейгер (1868-1937) — был предводителем дворянства Каневского уезда Киевской губернии, где владел поместьем Стебелевская Николаевка, в которой родились его дети от второго брака Анатолий и Алла. В 1913 г. Штейгер был избран в Государственную Думу. В 1920 г. с семьей эмигрировал из России и после долгих скитаний обосновался в Швейцарии, выходцами из которой были его предки.

(На открытке написано: Ленинград. Прачешный мост через Фонтанку)
Château d'Arcine, St.Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie)

14го августа 1936г., пятница.

— Это моя самая любимая открытка — из всех присланных — *п<отому> ч<то>* она самая *бедная*. Эти открытки, кстати, все краденые — их было очень много, и я скромно выкрала лучшие — Вы как раз тогда мне написали, что по зимам жили в П<етербур>ге. Теперь мой улов кончен и буду посылать Вам здешние виды: замка и природы, но лучшего (внутреннего) замка увы — нет. Я из всего него больше всего люблю кухню — решетчатую, сводчатую — и чердак: самое жаркое (день и ночь кипят котлы) и самое холодное: день и ночь шум деревьев и каких-то верхних потоков — а м<ожет> б<ыть> — шум времён. Я здесь живу совсем без людей — хотя их сорок человек — с одним Вами. Отсюда часто ездят в Женеву, т.е. в Швейцарию и это немножко растравительно, но я не

завистлива и знаю, что в конечном счете блага распределены правильно: у меня такая сила мечты, с к<отор>ой не сравнится ни один автомобиль. Мне только — просто — жалко, что я *сейчас* не могу быть с Вами, п<отому> ч<то> Вам наверное *скучно и долго* лежать. Не прошу: пишите — п<отому> ч<то> наверное сами напишете, когда сможете. Не утомляет ли Вас мелкость моего почерка: мне всегда так много нужно Вам сказать.

Храни Вас Бог!

МЦ

Приписка снизу:

Кончаю перевод пушкинских Бесов. — Увлекательно. Замечаю, что пишу Вам как здоровому — но это не эгоизм, а ужас перед физической болью, которой я не могу помочь. Я о ней просто стараюсь *не думать*, п<отому> ч<то> иначе — отчаяние.

Приписка сбоку:

Наверху над замком совсем одна в брошенной мельнице живет гадалка. Соблазнительно. Но — страшно. И немножко — как-то — недостойно. И наверное *не пойду*. Если она — гадалка — она ко мне должна придти.

Я Вам обещала спокойные письма, и видите — слово держу.

15го августа 1936г., суббота.¹

Милый друг, мне кажется — Вы не писали уже целую вечность, а на самом деле — только три дня. Но я сейчас немножко беспокоюсь, — беспокоилась бы и множко — если бы дала себе волю. Если бы я была уверена, что Вы не пишете для здоровья, а не от нездоровья... Теперь о другом (хотя о том же самом): м<ожет> б<ыть> Вам неловко — ведь это папа приносит Вам письма — ежедневно получать письмо тем же почерком и с тем же штемпелем: ежедневно всё то-же письмо. Может создаться — у такого, как Вы, как мы — положение — etwas reinlich*. *Неприменно* ответьте, ибо, м<ожет> б<ыть>, лежать Вам придется еще долго, а я *обещала* писать Вам *каждый* день — и теперь боюсь остановиться, ибо — как сказал однажды Гёте одной девушке: *Fahre fort mir zu schreiben und rechne mir die Bitte nicht zu hoch an — denn Gewohnheit ist ein gar zu liebes Ding**²* — так, м<ожет> б<ыть>, у Вас уже — *Gewohnheit*,*** и — что важнее всех обещаний другому — я сама себе обещала никогда — ни в чем — ничем не огорчать Вас и не смущать.

Словом, решайте сами и знайте, что я всегда всё пойму.

Не спрашиваю о здоровье, п<отому> ч<то> это было бы просить писать. Не спрашиваю, но — конечно — думаю. Помните, я Вам вчера писала о Женеве, а нынче с утра меня в Женеву — звали — на целый день — и даром. И я *не* поехала, п<отому> ч<то> не знала, что с Вами, и никакой радости, даже

---

* немного неловкое (нем.)

** Продолжайте мне писать и не сочтите эту просьбу чрезмерной, ибо привычка — вещь слишком любезная сердцу (нем.)

*** привычка (нем.)

щемящей — от одной страны, одной земли — бы не вышло. А вчера вечером, когда хозяйка горного кафэ, произнесла слово: Берн: — "J ai vu cela á Zürich, et dans la cave de Berne. Car elle est immense — la cave de Berne"* — я сразу обернула голову, точно меня позвали.

Я послала Вам отсюда: небольшое письмо (на которое Вы отозвались), 4 открытки — петербургские** — и книжечку. Одну из открыток (конную) и книжку — с okazji из Женевы. Большое письмо лежит и, от времени до времени, — приростает, но читать его — как и писать — работа, а м<ожет> б<ыть> и тревога, поэтому — пускай вылеживается — как Вы.

Если неудобно, чтобы я писала ежедневно — напишите *непрерывно*: хотя бы два слова.

Вчера лазила на высокую, высокую гору, собирала орехи и цикламены. Ваши орехи я съела (Вам сейчас всё равно нельзя), а Ваши цикламены стоят у меня в стакане.

МЦ

Примечания:

1 Ксерокопии данного текста мы не имеем; печатается по жур. "Опыты" — С.К.

2 Речь идет о письме Гёте от 28 июля 1808 г. к Беттине Brentano (в замужестве фон Арним (1785-1859), включенном в книгу "Переписка Гёте с ребенком" (1835). Цветаева цитирует письмо по памяти. Точный текст его таков: "...Rechne mir's nicht zu hoch an, das ich ungeduldig wurde; Gewohnheit ist eine gar zu süses Ding".

---

* Я видела это в Цюрихе и в подвале в Берне. Потому что он огромный — подвал в Берне (фр.)

** До Вас дошли только две (прим. Цветаевой)

(На открытке написано: Bonneville — Château des tours et le mole (Alt 1869м.)*)

17го августа, понедельник

Пишу из соседнего городка — бывшей столицы Савойи — Бонневилл'я.

От Вас много дней ни слова, очень беспокоюсь о здоровьи, если можете — известите.

Буду ждать`и — пока — не пишу.

МЦ

Ничего о Вас не знаю с 11го.

(16-17 авг. Цветаевой написано 1ое стих: цикла "Стихи сироте": "Ледяная тиара гор..." см. стр.148 наст.изд.)

Из непрерывности внутреннего письма
(день за днем, дойдем и до 12го),

Ещё в Moret, значит до Вашего Берна:

— Почему Ваши письма настолько лучше Ваших стихов? Почему в письмах Вы богатый (сильный), а в стихах — бедный. Точно Вы нарочно изгоняете из своих стихов всего себя, всё свое своеобразие — хотя бы своей *беды*, чтобы дать вообще — беду, общую беду: бедность. Почему Вы изгоняете всё

---

* Бонневилль — замок "des tours et le mole" (выс. 1869 м).

богатство своей беды и даете беду — бедную, вызывающую жалость, а не — зависть. (Не думайте, что меня обольщает на-меня-направленность Ваших писем — это во мне никогда ничего не предreshало — и все стихи всё-равно на меня направлены.) — Вам в стихах еще надо дорасти до себя — живого, который и старше и глубже и ярче и жарче того. Вы (живой) из близнецов: Кастора и Поллукса — тот близнец, которому отец — Зевес¹.

Мой замо́к, 8го августа 1936 г.

— Не удивляйтесь гигантскости моего шага к Вам: у меня нет другого.

Вы тоже человек одной ночи — одного взгляда — и целой жизни тоски — *Sehnsucht** — оборота на́. (Потом этих взглядов становится много, но каждый — нож.)

Вы тоже сразу хотите не-жить, чтобы не было ни потом, ни дальше. (Продолжения не будет.)

Сколько бы мы раз уже умирали, если бы боги нас слушались!

Ваша младенческая привязанность к Тёте², то-есть: *чистая страсть тоски* — лейтмотив всей Вашей жизни. Другого не будет, ибо с душой ничего другого не бывает, ничего кроме нее самой, которая есть: чистая страсть тоски. Душа (когда она есть: ее нет — никогда) рождается готовая, не рождается — продолжается — со всем грузом бессознательной и бесполезной памяти. Бессознательной — так руки сразу узнают клавиши, плечи — волны —. Бесполезной — все ошибки заново, как

---

* тоска (нем.)

будто бы никогда не *расшибался* — и это уже можно проследить в короткой нашей, в короткой *Вашей* жизни: от чего Вы в жизни излечились, чему — научились? Ни от чего. Ничему. И *вся я к Вам* этому — живой пример.

В который раз? И разве я не знаю, что всё кончается, и разве я верю, что (это во мне к Вам) когда-нибудь кончится, когда-нибудь меня отпустит, что я от Вас — опустею: стану опять пустым — и холодным — и свободным домом: *domaine'ом?**

Ведь стоило Вам только подать мне знак — так ивы на краю дороги подавали мне в летящее окно — знак — как я на этот ивовый знак — *вся* ринулась, кинулась, зная всё и не веря — *ничему*.

В жизни с этим делать нечего, и Вы это знаете. Давайте вместе не-жить: Действенно, воинствующе, победоносно.

Мой перстень был: сплошь ровный серебряный широкий с серединной лилией — по бокам по кресту — вокруг (всего пальца) розы. И он никогда уже не станет моим.

9го августа 1936 г., понедельник.

Если бы можно было запустить руку в душу — как в море — *Vous retireriez Votre main pleine de Vous.***

Не удивляйтесь. Если распределить всё это по годам нашего незнакомства (с Вашего рождения или даже с того часа, когда Вы впервые подошли ко мне на одном из моих чтений) —

---

* доменом (фр.)

** Вы извлекли бы руку, полную Вами (фр.)

вышло бы вполне *нормально*, а сейчас Вы всё это получаете сразу — только не пугайтесь и не подломитесь и не усумнитесь.

Сколько сказок бы я Вам рассказала, если бы мы были вместе! Сколько — Märchen meines Lebens!*

Над пылающим лицом:
Тем, с глазами пьющими,
Сколько песен шепотком
Спето, петель — спущено!

(Это о Царице с ее раненым: "Мой раненый" — помните?)

Нам с вами эти дни (с получения мною Вашего первого письма, а может-быть — и с его написания) нужно было бы жить вместе, не разставаясь — с утра до вечера и с вечера до утра — ведь всё равно, как эти пространства между — называются!

Никогда никто к Вам так всем существом не шел, как я сейчас. Так только море идет — всем собой. (Прилив.)

Ваше письмо (последнее) лежит у меня во Втором Фаусте: спит в нем, обнятое гётевским восьмидесятилетием⁵ — и всею игрой тех Нереид и Наяд.⁶ Это Ваш дом, Вы в нем живете. Сколько у Вас сейчас домов кроме бернского: я, моя тетрадь, мой замок, Второй Фауст. Какой Вы сейчас любимый и сохранный — если бы Вы знали!

Раз мы всё-равно не расстаемся (я говорю *мы*, п<отому> ч<то> иначе нет *ничего*, т.е. обычное: я и ein Jdól**) раз мы всё-равно не расстаемся — бессмысленно не быть вместе.

---

* Сказки моей жизни (нем.)

** кумир (нем.)

Но я бы хотела быть с Вами *совсем* без людей, *совсем* одна в огромной утробе замка — и нам прислуживали бы *руки*, как в сказке Аленький Цветочек.⁷ — Хочешь? — И я знаю, что к нам, привлеченные чистотой и жаром, пришли бы все прежние жители этого замка, все молодые женщины, и все юноши (я тебе скоро пришлю их портреты: я их для тебя украла) и все бабушки в чепцах и прадеды в халатах, и любили бы нас, и мы бы царили над ними, и в конце концов — незаметно — перешли бы к ним *в стены* и когда пришли бы *другие* — никого бы не нашли.

Я хочу с Вами *только* этого, *только* такого, никак не называющегося, не: сна наяву, сна — во сне, войти вместе с Вами в сон — и там жить. Потому-что Вы *тоже* пленный дух, как я, — не дух (духовность), а ein Geist: ein Gast.* Я это знаю, поняла по первому зову.

(Всё еще 9ГQ, понедельник)

Нынче, открывая дверь в свою заведомо-пустую комнату, я на секунду задержалась на пороге с мысленным вопросом: — Можно? И удивиться не успев (на свою рассеянность) поняла: она до того заселена Вами, что если *меня* в ней нет, то в ней конечно — *Вы*.

Я не люблю детского общества: грубо, мальчишески и девчончески-профессионально, громко, и если я гуляю с детьми, то всегда внутренне-насильственно — а нынче я и внутренне согласилась, из соображения: — Раз я иду — с другим, то естественно чтобы и Мур⁸ шел с товарищем. И только потом

---

* дух — гость (нем.)

установила, что я ни с кем не иду.

До Вашего письма я всё время переводила Пушкина — целыми потоками — лучшие его стихи. (Когда-нибудь пришло — или прочту.) С тех пор — ни строки. Сейчас я думаю о Вас: думаю — Вас. Это очень серьезное занятие. (Бедный Р<ильке>! Мне одна любя́я, любезная французская дама рассказывала: — Il nous lisait toujours ses écrits français, en nous demandant, à mon mari et à moi (муж — корректный морской офицер-француз) — si c'était assez clair. Un jour il nous lit: — Cette femme a les mains sur les genoux. Elle ne bouge pas. Elle pense un enfant. — À un enfant! — Non, non, elle pense un enfant. C'est lui qu'elle pense et non pas à lui. — Mais c'est absolument impossible en français, cher Rilke, personne ne comprendrait, on prendrait ça pour une erreur d'impression. On peut probablement dire ça en allemand, mais en français... (NB! Прерываю: si on peut le dire en allemand, c'est qu'on peut le sentir en allemand, car: "sie denkt ein Kind" n'est pas plus dit en allemand qu'en français. Toute la différence est que le lecteur allemand croit le poète sur parole, l'honore et le suit dans chacune de ses particularités, tandis que le lecteur français — le juge.) Тогда, Р<ильке>, жалобно: — Alors, Vous dites — c'est absolument impossible? incompréhensible? — Absolument. — Alors il ajouta — à —.*

* Он нам обычно читал свои французские сочинения и спрашивал нас, моего мужа и меня, [...] достаточно ли это ясно. Однажды он нам прочел: — Эта женщина сложила руки на коленях. Она неподвижна. Она думает ребенка. — О ребенке? — Нет, нет, она думает ребенка. Она думает его, а не о нем. — Но это совершенная нелепость по-французски, дорогой Рильке, никто не поймет, сочтут за опечатку. Наверно, это возможно по-немецки, но по-французски... [...] если это можно сказать по-немецки, значит это можно ощутить по-немецки, поскольку (фр.) "она думает ребенка" (нем.) так же нельзя сказать по-немецки, как и по-французски. Вся разница в том, что немецкий читатель верит поэту на слово, почитает и воспринимает каждую его особенность, тогда как читатель французский — его судит. [...] — Так вы говорите — это совершенно невозможно? Непонятно? — Совершенно. — Тогда он добавил — о. — (фр.)

Et moi je n'ajoute rien. Je *Vous* pense. Et un jour — nous en recauserons.*

10го августа 1936 г., вторник.

Когда я нынче думала о комнате, в которой мы бы с вами жили, и мысленно примеряла — и отбрасывала — одну за другой — все знаемые и незнаемые, я вдруг поняла, что такой комнаты — нет, потому-что это должна быть *не*-комната: отрицание ее: обратное ее, а именно: комната сна, растущая и сужающаяся, возникающая и пропадающая по необходимости внутреннего действия, с — когда *на́до* — дверью, когда *не*-надо — невозможностью ее. Комната сна (Вы видите сны?) та комната, которую мы сразу узнаём — и на которую *немножко* похожи, в памяти, наши детские.

(Нынче я начала пушкинских Бесов, и Вы меня *немножко* отпустили.)

11го августа, среда.

Вчера, к концу вечера, я заметила (здесь больше сорока человек народу), что я стала бесконечно-ласкова, и как-то *ровно*-радостна — и заметила это по ласковости остальных — и поняла, что это — *Ва́ше*, к *Ва́м* — т.е. от Вас — идущее. И у меня было чувство, что я растрчиваю *Ваши* деньги.

— О ступеньке (на карточке.) Сначала: — Нет, ближе! Потом: — Правильно, потому-что — и Вы конечно об этом *не*

---

* Я же не добавляю ничего. Я Вас думаю. И когда-нибудь мы к этому вернемся. (фр.).

думали — самое дорогое и драгоценное: голова — сама и сразу — на коленях.

— Где эта лестница??

Я себя сейчас чувствую своим зámком, в котором Вы живете. Пустынно, огромно, *сохранно* и обнимающе Вас со всех сторон — но таким просторным объятием! — и сколько в нем места, и Вы всюду можете ходить, и нет запретной комнаты — а надо всем огромный пустынный гулкий чердак с готическим корабельным сводом — над которым — ещё свод — а на самом верху — колокола. Которые никогда не звонят. И они бы сами зазвонили.

12го августа, среда — , после письма.

Вám письмо принес — отец, мне — сын, и оба не знали, что несут.

Когда я прочла: боль выносимая, т.е. глазами увидела слово: боль — у меня всё внутри — от горла до коленных чашек — физически задрожало, и я ещё удивилась, как можно так неподвижно стоять — и так дрожать.

13го августа 1936 г.

— Когда мы нынче — мы: три женщины, двое мужчин — сидели, в деревенском кафэ, на воле, вокруг столика — у каждого была своя отсутствующая рана — у кого давняя, у кого свежая — и я, столько лет за такими столиками сидевшая без, прямая как ствол и неуязвимая — вдруг удивленно почувствовала, что и я — что и у меня (Ваша болезнь, Ваша судьба —)

Может, Вы оказали мне дурную услугу — позвав меня и этим лишив меня душевного равновесия. А может — это единственная услуга, которую еще можно оказать человеку?

14го августа

Когда Вы в печати когда-нибудь увидите моих французских Бесов Пушкина, Вы будете знать, Вы один будете знать, как они переводились — за какие тридевять земель от пишущей руки — и души. Но, может — и сам Пушкин их так писал?

...Всё-же промчится скорей — песней обманутый день
(Овидий)⁹

Нынче, 17го августа 1936 г., понедельник:

Я, м<ожет> б<ыть>, несколько дней не смогу Вам писать. Во всяком случае, сразу известите о перемене адреса, чтобы я знала — куда думать.

Я *ничего* о Вас не знаю — с 12го. Если бы Вы не были *после операции* — я бы этим не смущалась, а так — жестоко не знать.

Ну, будем надеяться, что причины — хотела сказать внутренние, но что — внутреннее операции? тогда скажем — душевные.

Как бы то ни было — пишете или не пишете, пишу или не пишу — я о Вас думаю.

Храни Вас Бог!

МЦ

Приписка снизу:

Нынче, 18го августа 1936 г., вторник.

— Пришел мой огромный сын (11 л<ет> — почти с меня)
— своим огромным шагом и, лаконически: Вот Вам письмо от

Штейгера. И я, деловито: — Ну и отлично. А сейчас — волей судеб — иду на свидание с собакой, которая меня любила больше, чем все люди вместе, и которую я не видала *шесть* лет. (Собаки помнят два года, гениальные — четыре. Любящие — X лет.) Его зовут Подсэм (чешское: Поди сюда). Я Вам о нем напишу отдельное письмо, из *к<оторо>го* Вы меня больше узнаете, чем из всего доселе Вами читанного.

Это — *большое* — отсылаю *не* перечитывая. Оно — Ваше, и я чужих писем *не* читаю.

Обнимаю Вас, моя *радость* (и *боль*)

М.

Примечания:

- 1 Речь идет о персонаже античной мифологии Поллуксе (Полидевке) — сыне Зевса и Леды. Он был неразлучен со своим единоутробным братом Кастором. Когда тот погиб, он поделился с ним своим бессмертием.
- 2 См. прим. 3 к письму от 29 июля 1936г.
- 3 Ассоциация с названием одноименной автобиографической повести датского сказочника Ганса Христиана Андерсена (1805-75). Цветаева упоминает также "Märchen meines Lebens" в письме к А.Тесковой 11 авг. 1935г.
- 4 Эти строки из утраченной "Поэмы о царской семье" приводит Е.Коркина в статье, посвященной реконструкции этой поэмы (Wiener Slavische Almanach, 1992, N 32, с. 175,179).
- 5 Цветаева называет Вторым Фаустом 2-ю часть трагедии Гёте (1749-1832). Она была закончена писателем в 1831 г., за год до его смерти.
- 6 Нереиды и Наяды — водяные нимфы.
- 7 В сказке Сергея Тимофеевича Аксакова (1791-1859) "Аленький Цветочек" героине в тереме зверя прислуживают не руки, а люди-невидимки. К.Азадовский в книге "Небесная арка. Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке" (с.81) обратил внимание на то, что впервые у Цветаевой этот мотив появился в поэме "Попытка комнаты" (1926):

"Прислуживают - руки?
Нет, то, что тише рук,
И легче рук, и чище
Рук..."

- 8 Георгий Сергеевич Эфрон (Мур) (1925-1944)
9 Строка из вступления к "Посланиям" римского поэта Овидия Назона (43 г. до н.э. — около 18 г. н.э.), пер. Ф.Зелинского.

19~~го~~ августа 1936 г.

Что мне безумно хочется к Вам — Вы конечно знаете, но мне хочется к Вам на полную свободу — какой нет на свете: на свободу того света. Но даже примирившись с несвободой *этого*: если отсюда ездят в Женеву — то компанией, взяв сообща машину, к<отор>ая в вечер того же дня — отвозит. Едут без виз. Визы я получить не могу, п<отому> ч<то> у меня нет с собой нансеновского паспорта¹ — остался в Ванве, в дебрях — так что и поручить нельзя. Итак, чтобы к Вам попасть, нужен был бы целый ряд (звено в звено) совпадений: во-время выехать (не от меня зависит: едем — "мы") в Женеве сразу попасть на подходящий поезд, в Б<ерне> оказаться в Ваши приемные часы (которых я не знаю), от Вас не опоздать на обратный поезд и, наконец — застать машину. — Видите? — Еще одно: я совершенно не ориентируюсь (ни даже в доме), это у меня — *болезнь*, я сразу теряю направление, верней отродясь его не имела — никакого — ни на час, — это моя пожизненная беда и вместе с тем — услада (равно как и близорукость) — я всегда *неизвестно где*, но в быту это — неодолимое препятствие. (Подробность: я ведь Вас, *конечно*, в палате не узнаю 1) п<отому> ч<то> я близорука, а больница не театр, чтобы смотреть в лорнет 2) п<отому> ч<то> я Вас вообще не знаю: лица помню только выучив наизусть. Чтó помню:

чернота и белизна (та́ хвоя и то́ серебро), *во-сне* я бы Вас сразу узнала, но — в жизни... — И главное: без Мура я в Женеву поехать не могу, а у всех там — свои дела: родня, покупки, встречи... Везти его к Вам?? За — чем? (Тирэ передаёт недоуменность интонации, но слово одно — а не два.)

Если бы Вы сейчас не́ были после операции — *Вы́* бы ко мне приехали, ибо у Вас паспорт, очевидно, есть, и Вы кажется швейцарский подданный? Деньги бы я достала. Вы были бы мой *гость* — и мы были бы *на воле*. Звать Вас сюда сразу после операции — безумие, но если, мой дорогой и родной, Вы хорошо поправитесь и не будет ни малейшего риска — я здесь до конца сентября, и деньги на дорогу Вам вышлю по первому слову. — Идет? — Словом, Вы сейчас вылѐживайтесь, затем едете к себе *auf die Alm** — и там пасѐтесь, гремя бубенцами моих писем. Поправившись, отпрашиваетесь на́ два дня — по неотложным делам — и приезжаете. И здесь мы с вами — воочию и *воушию* — дружим, если хотите *перескочив* — знакомство.

Сразу же ответьте, возможно ли, т.е. выпускают ли из Schwendli — на́ 2 дня. Утомлять я Вас *не* буду, если не сможете подняться ко мне на́ гору, я Вас устрою в деревенской гостинице у самой станции и весь день буду у Вас сидеть, или — сколько захотите. Ни шагу не будет подѐма. Еще лучше — что не сейчас: 1) я всегда любила откладывать радость — на потом 2) Вы за этот месяц окрепнете, в письмах мы еще больше подружимся, и это будет венец нашего лета, для меня начавшегося Вашим первым письмом. — Хорошо ведь? — Непременно *сразу* ответьте. Если нужно будет, сообща

---

* на альпийские луга (нем.)

выдумаем неотложное дело — можно и литературное, — чтобы отпустили. Узнайте — если не сложно — и цену дороги: от Вашего Schwendli до моей деревни — и обратно. Ближе к делу — узнаю Вам женевско — с.пьерские поезда, ибо в С.Пьере (деревенька) останавливаются не все. Я во всем осяществительном *очень точна*: во мне немецкая кровь. Убеждена, что месяц спустя операции Вы поехать сможете: нынче 19⁰⁶ авг<уста> — не поздно будет и 19⁰⁹ сентября (*лучше* — раньше, но — как сможете, я тогда задержусь до 25⁰⁹). Только — уговор лучше денег — Вы серьезно должны приняться за свою поправку: не делать глупостей, не переутомляться, не пить, ничем себе этот месяц не вредить, п<отому> ч<то> дело уже будет в Вас, т.е. всё зависит от степени *Вашего* желания. ("Я от Вас ни копейки не возьму" — этого я от Вас не услышу, ибо я от Вас миллион возьму, когда у Вас будет — два. Идет?)

Что́ еще очень важно: здесь я дома, т.е. сама-своя, т.е. больше всего на себя похожа, — я новых мест и неопределенных положений боюсь — здесь мне с Вами (Вам со мной) будет — вольно. Здесь — природа, покой, — только коровы, которые тогда уже спустятся со своих высот, будут бубенцами греметь, верней: в колокола звонить.

Ответьте молниеносно, чтобы я знала, что уже могу радоваться. Нам с вами будет чудно. А месяц — скоро пройдет.

На Ваше письмо — отвечу завтра.

Храни Вас Бог! Я храню — как могу.

МЦ

Примечание:

- 1 Временные удостоверения для апатридов и беженцев, введенные по инициативе Фриотьфа Нансена (1861-1930), норвежского исследователя Арктики, а в 1920-21 гг — верховного комиссара Лиги Наций.

Château d'Arcine, 20го августа 1936г., четверг

Это еще не ответ на Ваше письмо — эти дни я почти не бываю одна — я даже нынче не смогла отправить Вам — хотя бы открытки, ибо отправляю, как пишу — собственноручно: не только не доверяю другому, а не могу стерпеть, чтобы прошло через чужие руки (почтальон — не в счет, ибо — *судьба*: независящий от нас ход событий, так же *не* зависящий — как ход облаков или войск.) Я каждое письмо (Вáм) мысленно сопровождаю в ящик, как в колодец — куда камень летит сто лет. *Всё не просто*. Поэтому нынче Вы без привета. Но знайте наперёд, что никогда я "просто" Вам не напишу. (Я совсем не знаю, так ли Вам это нужно и важно, как мне это кажется. Но мне ведь всё — "кажется". И с какой силой!)

На то́ письмо, мой родной, отвечу непременно и отдельно, ибо оно — существенное: такое же серьезное, как объявление войны — или мира, в нем что-то от поединка, это — условия игры — Вами мне стáвимые. Вы совершенно правы, ибо играть в слепую — достаточно.

В следующем письме напишу Вам еще об одной своей дружбе — в связи с Вами.

А сама буду ждать ответа на зов сюда — или в Аннесу* — если хотите, хотя там будет сложнее, п<отому> ч<то> у меня

---

* Аннеси (фр.)

там нет крова, и там я суток с Вами — провести не смогу. (Но там — дивное озеро и сновиденные дома, и всё, и мы сами — двести лет назад.)

Кончаю — потому-что пора. Впрочем, успею еще разъяснить Вам свое: скучаю по Вас. Никогда — без Вас. Ибо — скучать *по* хлебу — только о нем и думать. Скучать без хлеба — именно им пустовать. Я в жизни не скучала — без человека. Одно — переполненность, другое — пустота. Я никогда не буду пустовать — Вами. *Надеюсь*. (Мне кажется, я отродясь не пустовала ни секунды.)

— Ну, вот. Теперь — по настоящему пора

МЦ

Приписка снизу:

Скоро Вам будет маленькая радость.

Ответ на тот ультиматум

St.Pierre-de-Rumilly, H^{ie} Savoie, Château d'Arcine, 21го августа 1936г.,
пятница

Непроставленный эпитаф к Вашему письму: — На время не стóит труда... т.е. всё оно сводится к вопросу — и даже запросу: не уйдет ли объемлющее Вас облако — дальше, обронив пассажира. Друг, у облаков свои законы — простой природы, и облака — пар, а если *не* пар — то только потому-что мы их надуваем — как 16-летний Лермонтов свой *парус* — своим дыханием.

Мое отношение к Вам — дело не только непосредственного

чувства, но и разума, и твердой памяти, и совести (погодите сердиться! я знаю, что этого слова — не любят) я уже за Вас перед кем-то — отвечаю, и знала это с первого слова своего первого письма к Вам. Любить пока любитесь, дружить пока дружится — вздор, надо чтобы *не перестало* любиться. Мое отношение к Вам — помимо моей отнесённости к Вам: так волна несется — *решение*.

А то — выходит обычное лизание сливок, занятие кошачье, а не человеческое. Потому я сразу и сказала слово *мать*. Которое *точно* значит — *навсегда*.

— Конечно, дружочек, полноты материнской отдачи у меня с Вами быть *не* может, ибо иначе я бы эти дни от Вас *физически* не отходила (как сейчас — клянусь — не отхожу от Вас — мысленно.) Этого счастья — *rayer de ma présence** (счастья, между прочим для меня самого *трудного*) — я с Вами лишена. Даже того (блаженнейшего!) возгласа той восемнадцатилетней восемнадцатого века — я с Вами лишена, — потому-что мне и *me pouer* придется со своими — но закончу словом матери человека, которого я больше всех и *моёе* всех, на свете, любила — еще молодой тогда матери ныне 76-летнего Кн. Сергея Волконского (ему написан мой Ученик, если его помните: "Быть мальчиком твоим светлоголовым...") на вопрос подростка и любимца-сына: Сын ее, очень робко и почтительно — и должно-быть *жгуче* — ибо вопреки легенде и очевидности он всю жизнь, с малых лет, любил только женщин, с матери начиная и мною кончая, говорю: *любил, не* другое! — итак, сын очень сдержанно и жгуче ревновал ее к дружбе с Владимиром Соловьевым: — Ты его больше всех нас любишь: *больше* меня...

---

* платить своим присутствием (фр.)

— Больше всего я, конечно, люблю вас, мои дети, но в просторах души моей¹...

Мой друг, я — совсем старинная женщина, и не себе — современница, а тем — сто лет — и так далее дальше — назад. Породив детей (говорю о сыне, об Але² — когда-<нибудь> расскажу) — я обязана его, пока он во мне нуждается, предпочитать всему: стихам, Вам, себе, — всем просторам души моей. Фактически и физически — предпочитать. Этим я покупаю (всю жизнь покупала!) свою внутреннюю свободу — безмерную. *Только потому у меня такие стихи.* На этой свободе нам с вами жить и быть. Наше царство с вами — не от мира сего. Конечно, будь я свободна, т.е. не нуждайся во мне мои, я бы просто не отошла от Вас эти дни Вашей жизни —. (Но я совсем не знаю, поскольку Вам это нужно: *живое* присутствие. Ибо, если не нужно Вам — не нужно мне. (Потом Вы узнаете, что *меня* — просто нет.)

Поняв всё это, Вы теперь знаете, в *какой* области Вам может быть предпочтение — или — Вам — замена. Только в области живой жизни и родства, и проще сказать: моего долга. *Внутри* же, мой друг, на той свободе сна, Вы мне сейчас — самый близкий, Вы просто у меня *больше всего болите* (другой меры близости — не знаю). *Это* место во мне *Ваше* и *свято*.

... Я Вас не знаю. Если Вы из тех соловьев, которых баснями *не* кормят — этого Вам будет мало (— письма и письма, а никогда ничего живого, а вечером опять один — и т.д.) — Вы просто в один прекрасный день запустите мне в голову всеми моими письмами и чувствами. (Это, в фейерверке, называется: *le bouquet*.)

— Но я-то — такой соловей, басенный, меня — хлебом не

корми, только — баснями! я так всю жизнь прожила, и лучшие мои любви были таковы — так-что здесь нам нужно сговориться, ибо здесь der Hund (могущего быть расхождения) begraben:* в моей невозможности реально быть с Вами: отдать Вам жизнь.

Конечно, живи Вы в Париже — Вы бы у меня бывали, и я у Вас, но — боюсь — это была бы грустная радость, одна трагедия. "Бывать" — вместо *быть*. "Бывать" — т.е. непременно уходить, как вошел — уходить. Никогда не: — Который час? его спросили здесь. А он ответил любопытным: — Вечность.³

Я Вас не знаю, сужу по себе. Я отлично умею без *всего* — и насколько менее отлично — с немножким.

Такой непрерывности внутренней может-быть вообще не соответствует никакая непрерывность суточная, но заведомо-знать, что ее и тени быть не может — горько.

Вот в чем моя боль (от Вас): не мочь Вам быть всем тем, чем — могу и уже (внутри) — есмь. Потому-что — как мало ни умей я жить — любить (*хранить*, *служить*) я — умею — до мельчайших подробностей заблаговременно пришитой пуговицы: отнять у другого и *тень* заботы! Непрерывно — руками — выручать. (Я бы никогда не могла любить богатого: мне бы нечего было с ним делать. Нельзя же целый день писать или читать ему — стихи. Для меня любить — прежде всего делать дело. Руками делать.)

Видите — совсем просто, и может-быть даже проще, чем Вы бы хотели. Вы — может-быть — мучиться от меня хотели? Тогда — не удастся.

---

* собака [...] зарыта (нем.)

— "Тогда я не играю".

— Да будет Вам известно, что в каждой моей игре — ставкой всегда была — я: вплоть до бессмертия моей души. И проигрыш всегда был — мой: я себя другому всегда проигрывала, но так как я была бессмертная моя душа, то этого другому было — много — и часть ставки оставалась на столе — или смахивалась локтем под стол. Вот Вам ответ на игру. Можно только бояться серьезности моей игры. (Мне один умный еврей — в ответ на мои юношеские стихи: Легкомыслие (мне не было двадцати лет) очень серьезно сказал: Вы — легкомысленны? Вы — на фоне людского — и мужского и женского — легкомыслия — просто подводная яма по глубине. Вас — бояться надо.

И — боялись.

Вчера вечером в большой замковой зале были танцы: сначала — *ваши*, потом — *наши*, и чудно танцевала одна пара — венгерку: *люто*. *Вся Венгрия вставала — с Марией Вечерой.*⁴ А потом одна женщина пела — изумительные стихи Фета — помните?

Рояль был весь раскрыт — и струны в нем дрожали,

Как и сердца у нас — за песнею твоей.

Это Фет писал — чужую любовь: Наташу Кузминскую, *Наташу Войны и Мира*, от которой в ту ночь, которую она всю насквозь пропела, навсегда ушел человек, к<оторо>го она любила (брат Льва Толстого — Сергей.) Это было в Ясной Поляне, и Фет был гость — и его никто не любил — и благодаря ему — та ночь осталась — *тот рояль по сю ночь раскрыт*. Я бы все свои стихи отдала за строки:

— Как только верить в рыдающие звуки —
Тебя любить — обнять — и плакать над тобой.⁵
Больше о любви я *ничего* не знаю.

М.

(21-24 авг. Цветаевой написано 2^е стих. цикла
"Стихи сироте" "Обнимаю тебя кругозором..." см.
стр.148-149 — наст. изд.)

Примечания:

- 1 Внук декабриста, князь Сергей Михайлович Волконский (1860-1937) был для Цветаевой, как она писала дочери, "почти идеей старого мира, воплощением высокого поколения "отцов". Ему она посвятила в 1921г., кроме названного ею цикла, стих. "Стальная выправка хребта...", а в 1924г. написала очерк о его книге "Родина" — "Кедр. Апология".
Его мать — княгиня Елизавета Григорьевна Волконская (1839-1897) была автором книг "О церкви" (1888) и "Церковное предание и богословская литература" (1898). О ее дружбе с философом и религиозным мыслителем В.С.Соловьевым (1853-1900) Волконский писал: "Однажды она сказала: "Я люблю Соловьева больше, чем кого бы то ни было". Тут же спохватилась и прибавила: "То есть, конечно, я больше всего люблю вас, детей моих, но для приволья души моей никто мне не дорог, как он." (С.Волконский "Мои воспоминания" т.3, "Родина", Берлин, 1923, с.76).
- 2 Старшая дочь Цветаевой — Ариадна Сергеевна Эфрон (1912-1975)
- 3 Строки из стихотворения О.Э.Мандельштама (1891-1938) "Нет, не луна, а светлый циферблат..." (1912)
- 4 Мария Вечера — восемнадцатилетняя возлюбленная наследника престола Австро-Венгрии крон-принца Рудольфа Габсбурга (1858-1889), покончила вместе с ним жизнь самоубийством.
- 5 Стихотворение А.А.Фета "Сияла ночь. Луной был полон сад...", строки из которого цитирует Цветаева, было вдохновлено пением свояченицы Л.Н.Толстого Татьяны Андреевны Кузминской.

22го августа 1936 г., суббота

Мой дорогой деточка! Разве мы с вами — оба вместе взятые — не сто́им 50-ти швейцарских: 250-ти французских, да еще — *дутых!* — франков, да еще данных мне — ни за́ что ни про́ что — бельгийцами??? Ваш проезд у меня есть — и он собственный заработанный — двухчасовым стоянием и чтением — этим маем в Бельгии.¹ Только я, за ненужностью, эти бельг<ийские> франки оставила в Ванве и всё дело в том, чтобы их *здесь* у кого-<нибудь> получить.

Теперь — всерьёз: *моей* просьбы о Вашем приезде — не ждите. (*Мне хочется* — не *резон*, а пожалуй — и обратный резон.) Я — активист обратного направления: отказа. Entbehren sollst du, sellst entbehren.*² Но entbehre** я — только за себя.

Для меня — довод — Вы́, Ва́ше желание (или необходимость.) Тогда — желайте сильнее — и приезжайте. *Мне* нужно — если *Вам* нужно. (Потому-что я *Вас* люблю, а не *себя*.) Итак: деньги *мои* и настолько несуществующие, что даже (с мая) не разменены. У нас с вами — *cause commune****. Кроме того, Вы — *весь* — моя *тайна*, всё Ваше и к Вам у меня — *втайне*, это *наше* дело, мы — наше с вами дело — поняли? Не считайтесь ни с чем, кроме своего здоровья и насущности своего желания. *Вам* — знать.

Не прогадайте! Не променяйте первенства на чечевицу бытовой (хотя бы самой похвальной) одумки. Нас с детства учили: деньги — грязь. *Не* промельчите — и себя, и меня, и всей чудесности нашей встречи. Разве это та́к уж часто

---

* ты должен отказываться, сам отказываться (нем.)

** отказываюсь (нем.)

*** общее дело (фр.)

бывает??

Итак: 1) Когда бы Вы могли приехать (надо предупредить, чтобы была комната) 2) Когда Вам нужны деньги? На возобновление паспорта вышлю по первому слову, к<отор>ое — просто — да. Остальное — по достаче.

Последний вопрос — уже не бытовой: почему Вам именно сейчас хочется (или нужно) меня видеть? Проверяете — кого и что?

На все три вопроса ответьте возможно точнее — и быстрее.

До этого, пожалуй, писать не буду. *Потом* — сообщу все бытовые детали.

М.

Приписка снизу:

И пишите мне, пожалуйста, настоящие письма, а не картонки!³ (Шучу). — Как новый госпиталь? Вы там один в палате? Расскажите подробно всё докторское: как рана (или уже шрам?) — когда встаёте — всё, всё. А в ноябре я Вас в Париж *не* пушу — худший месяц. В Париж ты ко мне приедешь весной.

Приписка сверху:

Вам здесь со мной будет чудно. Хотите — сад, хотите — моя берлога, Вы будете лежать, а я буду сидеть рядом — можете даже спать при мне: я люблю спящего человека. За два-три дня отдохнете, я Вам не дам уставать. — Жду решения.

(27 авг. Цветаевой написано 3^е стих. цикла "Стихи сироте" "Пещера" — "Могла бы — Взяла бы..." см. с.150-151 наст. изд.)

Примечания:

- 1 М.Цветаева выехала в Брюссель 20 мая 1936 г. и пробыла там неделю. О своих чтениях она писала 1 июня 1936 г. А.А.Тесковой: "... они прошли очень хорошо — и французское и русское. Читала — для бельгийцев — Mon Pere et son Musee (Мой отец и его музей — (фр.) — Р.В.) [...] Для русских читала: Слово о Бальмонте и, второе, Нездешний вечер — памяти поэта М.Кузмина, свою единственную с ним встречу в январе 1916 г." (Марина Цветаева. Письма к Анне Тесковой, СПб, 1991, с.120).
- 2 М.Цветаева цитирует по памяти строчку из "Фауста". У Гёте:
Entberen sollst du! sollst entberen! (часть 1, сцена 4).
А.Фет эту строчку перевел:
"Воздержан будь! Воздержан будь!";
Н.Холодковский:
"Умерен будь! Лишь будь умерен!";
Б.Пастернак:
"Смирят себя!".
- 3 А.Штейгер писал письма на листочках картона, украшенных баронским гербом.

St.Pierre-de-Rumilly, (Haute Savoie) Château d'Arcine,

29го августа 1936г., суббота, третий час дня

(Списано из моей черновой тетради, куда записываю — всё)

Чтобы делать пометки на Фаусте (на этот раз — не гётевском, а народном: «Historia von Doktor Johann Fausten, dem weitbeschrienen Zauberer und Schwarzkünstler, wie er sich dem Teufel auf eine gewisse Zeit verschrieben, was er hierzwischen für seltsame Abenteuer gesehen, selbst angerichtet und getrieben, bis er endlich seinen wohlverdienter Lohn empfangen — 1587. —» —¹ оттачиваю карандаш и обогнув спящий послеобеденным сном

замок — мимо спящих собак — по страшной жаре от которой сосны трещат, точно их жарят — иду с книгой — куда глаза глядят, т.е. приблизительно зная, что выйду на верхнюю скамейку по дороге в С.Лоран. И — внезапно понимаю, что иду к гадалке. Но для этого нужно отыскать те самые скалы, где, по слухам, она живет. Скал — много: верхние — нижние — дальние — ближние — где? Сверху вижу группу камней — что-то не ту, и без всякого дома, и *нижнюю* и — зная, что надо подыматься — спускаюсь. Три больших камня, внизу Борн (как на мосту написано: Le Born* (der Born,** Oheim Kühleborn*** (Ундина).² — Не то. — Обратно вверх по тропинке на круто-восходящее шоссе. Над головой — если очень закинуть — холм с смутным гребнем скал. Карабкаюсь мимо одинокого дома, по явно-принадлежащему ему свежескошенному-бритому-откосу, упираюсь в каменную стену — невысокую, но неудобную — смутно слышу мужской голос: — "En voilà encore une qui ..."**** (а *иле* — в голубом немодно-широком с воланами платье — и с седою головой! И лазит как коза: беспрепятственно) — итак, упираюсь в стену и не желая *лучше* изумлять — голос и его собеседника, т.е. откровенно-по козьему перескочить — отыскиваю в стене брешь, и там, по отдельным камням, перелезаю. Новый подъём, на этот раз уже отвес — уже лесной. Лезу и чувствую — *то*. Сердце гулко (ушами слышу) бьется: ух! ух! ух! — но — приятно, без задыхания, от чистого волнения. (Так, впрочем, бывает — и разрывается.) Перед самым верхом обнаруживаю всё время сопутствовавшую мне лесную тропинку, но решаю — кончить как началá — по

---

* Борн (фр.)

** источник, родник, ключ (нем.)

*** дядя (дядюшка) Прохладный Источник (нем.)

**** вот еще одна... (фр.)

отвесу. Долезла. Те скалы. (Пот льет и сохнет. Слизала каплю — солёная как слеза. И кровь — солёная. Не может быть человеку — *весело*.)

Иду по вьющейся между скалами тропинке, местами — лестнице. Высота, даль, внизу Борн, никого и ничего. Тропинка огибает низ скалы — огибаю с ней и я, я ее просто *слушаюсь*, и до последней минуты ничего не видя (иду минут пять между скал и сосен) — упираюсь в дом. Старую ферму. (Hof.) Миную одну дверь — запертую (очевидно — хлев) и другую — тоже запертую — и такую же третью (кажется, всё разные постройки), а четвертая — открыта. Черно.

Круглолицая румяная очень старая старуха на черном (от старости) и чистом (от служения) столе гладит черную юбку. — *Bonjour, Madame... On m'avait dit—pardonnez-moi si je me trompe... — c'est bien Vous — la tireuse de cartes? — C'est moi, c'est moi, entrez, Madame.** (В ее голосе — покой — *знающей*, в моем — непокой *хотящей* знать.) — *Les autres m'avaient dit que Vous tiriez très bien les cartes... Et je suis venue comme les autres.***

Проходим в *комнату* (та была — кухня) — садимся. На столе разложенная колода. — *Je viens de commencer un très beau jeu de cartes. Ça vous portera chance.**** — Сидим друг против друга, глядим друг на друга, посредине — колода. — *Madame, avant de commencer à faire les cartes pour moi* (чувствую молящестъ своего голоса и стараюсь совладать: не испугать, ибо так просят — только о преступлении — если не о

---

* — Здравствуйте, Мадам... Мне говорили, извините меня, если я ошибаюсь... — это Вы — гадалка? — Я, я, входите, Мадам.

** — Мне люди рассказывали, что Вы очень хорошо гадаете на картах... и я пришла как те люди.

*** — Я только что вскрыла очень хорошую колоду. Она *нам* принесет удачу.

помиловании) ...je voudrais Vous demander: est-ce que Vous pourriez aussi faire les cartes pour un absent?*

Ее лицо неувовимо и сразу — настораживается. — Mais ce ne sera pas pour rire? Je n'aurai pas d'ennuis? Ça ne sera pas pour me moquer? — Non, c'est très sérieux. C'est lui qui le veut, et il le veut très sérieusement. D'ailleurs — il ne se moque jamais.**

(Рассказ, как ей за правду досталось — гадала девушке на любимого — и обнаружилось, что любимый хочет не-жениться, а — так... и девушке — сказала, а девушка сказала — ему, — и отказала — а любимый озверел и пришел к гадалке et m'a démolí deux chaises — "Et ce soir on publie les bans"*** (ее — с другим).

— Ceci, c'est pour Vous ou pour l'absent?**** (Я, желая принять на себя первое — не знаю что) — Ceci, c'est pour moi.

— C'est comme ça qu'on brasser.***** (Перетасовывает трижды.) Ensuite — Vous soupez.***** Повторяю в точности. (Карты — тяжелые и идут с трудом.) Снимаю и — на какое-то мое смутное неувовимое движение к ней: — Oh, non, non! Je n'ose plus y toucher!*****

---

* — Мадам, прежде чем гадать мне <...> я хотела бы Вас спросить: не могли бы Вы погадать на отсутствующего?

** — Но это не будет смеха ради? У меня не будет неприятностей? Это не затем, чтобы пошутить над кем-то? — Нет, это очень серьезно. Он сам этого хочет, и очень серьезно. Впрочем, он никогда не насмехается.

*** и раз сломал мне два стула — А в тот же вечер было оглашение о свадьбе".

**** — Так что, на Вас будем гадать или на отсутствующего?

***** — На меня. — Тасуют вот так.

***** — Потом — Вы снимаете.

***** — О, нет, нет! Я уже не осмеливаюсь больше их касаться.

Pour l'Absent

— Comment c'est — son petit nom? — Называю. — Повторяет. — Il y a beaucoup de jeux — car ce n'est pas le même jeu — c'est le grand cours des jours.

Le grand cours des jours

...Fatigué, voyagé, souffrant. Des parcours dans des hôpitaux. — Voilà la lettre des grandes surprises!—Il est guer, en ce moment. — Tout s'monde! Tout s'monde! — Il a très souffert, c'est un brave garçon, un très bon garçon. Il a eu beaucoup d'argent, ça lui reviendra un peu , il est très intelligent. — Voilà la lettre! — Ça le baisse un peu, la maladie, il est très nerveux. Il aime beaucoup une dame (недоуменно и решительно): — il Vous aime beaucoup, et Vous l'avez vu — il y a bien dix mois — ily a dix cartes — ou c'est y dix ans?

Il Vous est cher, il est parent avec Vous. Il avait beaucoup maigri, mais il a un peu repris. Le petit cher — l'as de coeur. Il a très bonne conduite, c'est *le bon garçon*. Très.

Il a été délaissé de tout le monde, Vous êtes venue vers lui — il était bien en danger — il est hors de danger. Pas de mort — il l'aurait désirée passé un moment. Non! non! non! Ce n'est pas la mort... Il lui reste encore de beaux jours à vivre.

C'est quelqu'un qui Vous aime, c'est un parent, c'est comme Votre *fil*s. Ne me dites rien, ne me dites rien!

— Voilà la lettre! —

(Ce retard, cet homme, cet ami fidèle...)

Je l'ai à côté de Vous. Mais c'est lui — le petit valet de coeur! Il y a des événements nouveaux qui Vous mettent près de lui: Vous ne resterez pas dix ans sans vous revoir.

Il y a un autre jeune homme; il est auprès de lui? Oh nom d'un gueux!*

... Il y a une autre dame qui a peiné pour lui, malade elle-même. ... grande surprise, grand bonheur...

... Il n'écrit pas, mais c'est parce qu'il est un peu insensé après sa maladie. On ne fait pas ce qu'on veut dans un hôpital. Très nerveux, un peu insensé. Je vois bien une lettre, mais ce n'est pas encore pour demain. C'est peut-être pas lui qui Vous écrira, c'est un infirmier.

(Большая пауза)

— Vous avez bien tout dit? — Il ne faut pas tout dire. Il y a des choses qu'on doit garder. Il ne faut dire que le trois par trois. Trois par trois. Je Vous en ai déjà trop dit.

— Alors, Vous avez bien fini? — Bien fini, et ne Vous mettez pas en peine: *il guérira*. — Alors, Vous ne direz plus rien? — Chère dame, je Vous en ai dit long.

— Alors, c'est moi qui Vous dirai: il est dans un hôpital, il vient d'être opéré, il ne m'écrit pas, je ne connais pas ses parents ... et je n'ose pas trop souvent lui écrire — et je ne sais rien sur lui — et c'est pourquoi je suis venue — Vous demander à Vous — qui savez.

Она, показывая на трефовую даму внизу, сочувственно: — Pauvre gas! Je le savais: *j'étais à côté*.

... Qu'est-ce que je Vous dois? — C'est toujours ce qu'on veut. Je suis toujours contente.

Кладу. — Oh, c'est trop, c'est bien trop! Vous allez être genée...

- Prenez. Vous m'avez fait beaucoup de bien.

- Il a beaucoup de jeux. C'est le premier. Et j'aurai beau ne pas Vous reconnaître — quand Vous reviendrez — il en vient tant! — je Vous reconnaitrai à Votre jeu. Vous aurez beau avoir un grand man-

---

* вместо: пом de Dieu, запрещенного церковью (прим. Цветаевой)

теу blanc, et avoir les cheveux arrangés par le coiffeur, et être maquillée — je Vous reconnaitrai à Vos cartes. Ça sera toujours le second jeu. J'aurai beau Vous oublier, comme j'ai oublié Vos cartes — les cartes me diront. Il y a le grand cours des jours. Il y a le cours des jours — qui vont et viennent. Il y a le Trois par trois. Et tant d'autres encore...

- Qui Vous a appris à faire les cartes? Vous avez ça dans la famille?

- Non, Madame. J'ai commencé à 17 ans. J'étais avec une dame qui savait faire les cartes. Mais elle les faisait pour elle. Un soir elle m'a envoyée en commission — où j'ai eu peur. Le matin en faisant les cartes elle m'avait dit: — Je vois quelqu'un courir — et c'est moi qui ai dû courir, car le soir elle m'a envoyée dans de mauvais lieux, et je lui ai dit que c'étaient des voyous qui étaient après moi — mais c'était bien *le contraire*. Si j'avais su tirer les cartes — je n'y serais pas allée... — Прощаемся. — Je reviendrai. Je reviendrai pour faire mon second jeu, *nos seconds jeux*. — Soyez heureuse, chère Dame, et tâchez de profiter un peu, et grand merci à Vous.*

---

*

На отсутствующего

— Как зовут-то его? <...>

— Много есть гаданий — это другое — это на дальнюю дорогу.

На дальнюю дорогу.

...Усталость, дорога, болезнь. То и дело в больнице. — А вот письмо — радость неожиданная! — Сейчас-то он здоров. — А людей-то, людей! — А перестрадал сколько, человек-то хороший и добрый очень. Денег у него было много, что-то ему вернется, он ведь умный очень. — Вот письмо! — Здесь похуже немного: болезнь и нервничает очень. Даму одну любит очень. <...>

— Вас очень любит, и Вы его видели — 10 месяцев назад — тут 10 карт — а может 10 лет?

— Дорог он Вам, и с Вами в родстве. Он было сильно похудел, а потом чуточку поднабрал. Дорогуша — червовый туз. И ведет себя примерно,

Приписка сбоку:

Записано у нее же, пока говорила, слово в слово — 29 авг. 1936 г., на скалах над С.Пьером, в субботу, в третьем часу дня.

МЦ

положительный. Очень.

Все его покинули, а Вы пришли к нему, — он был в большой опасности — сейчас он вне опасности. И смерти нет — а был момент, хотел он смерти. Нет, нет, нет! Нет никакой смерти. Он еще проживет.

И *любит* он Вас, родня, как бы *сын* Вам. Только не говорите мне, ничего не говорите!

— А вот письмо! —

(Вот задержка, мужчина, верный друг...)

Его карта выпала рядом с Вашей. Это же он — червовый валет! Новые события Вас сведут: 10 лет не придется ждать, чтобы Вам снова увидеться.

Еще один молодой человек; при нем? Ох ты батюшки!

...Другая дама печалится о нем, тоже больная. ... нежданная радость, большое счастье...

...Он не пишет, потому что он после болезни в себя не пришел. В больнице — воля не своя. Нервничает очень, и не в себе. Я вижу хорошо письмо, но это еще не завтра. Может даже не его письмо, а письмо санитаря.

<...>

— Вы все сказали? — Не нужно всего говорить. Есть вещи, о которых нужно умолчать. На третий раз только можно говорить. Я и так Вам слишком много сказала.

— Значит Вы кончили? — Совсем кончила, а Вы не расстраивайтесь: *он выздоровеет*. — Значит, вы ничего больше не скажете? — Милая дамочка, я Вам и так слишком много сказала.

— Тогда я Вам скажу: он в больнице, и его только что прооперировали, он мне не пишет, я не знаю его родственников... и я не осмеливаюсь слишком часто ему писать — и ничего не знаю о нем — поэтому пришла к Вам — спросить у Вас, потому что Вы — знаете. <...>

Бедный парень! Я знала, я близко была.

...Сколько я Вам должна? — Сколько можете. Я всегда довольна.

<...> — О, это слишком много, слишком много! Вы себе в убыток...

— Берите. Вы мне много добра сделали.

— Есть много гаданий. Это первое. Как бы я ни старалась Вас не узнать,

Примечания:

- 1 "История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике. Как он на некий срок подписал договор с дьяволом, какие чудеса он в ту пору наблюдал, сам учинял и творил, пока, наконец, не постигло его заслуженное наказание" (нем.) — первая обработка легенды о докторе Фаусте, так называемая "Народная книга", изданная И.Шписом в 1587г.
2. Ассоциация с романтической сказкой немецкого писателя Фридриха де ла Мотт Фуке (1777-1843), где один из героев носит имя дядюшки Кюлеборна, в переводе В.А.Жуковского он назван — дядюшка Струй.

St.Pierre-de Rumilly — H^{te} Savoie —

Château des Arcine

31го августа 1936г., тотчас же по получении Вашего письма, понедельник.

Дитя! Начнем с дела. Вы отлично сделали, что не приехали, Вы поступили как умный хороший зверь, который пошел отлѣживаться в берлогу. (Если бы Вы тогда приехали — это был бы удар радости, которого я не мыслю. У меня всегда

когда Вы опять придете — ведь сколько народу ходит! я Вас узнаю по Вашим картам. Даже если Вы наденете роскошное манто, волосы уложите у парикмахера, накрутитесь, я Вас все равно узнаю по Вашим картам. Тогда это будет второй расклад. Как бы ни старалась Вас забыть, как забуду Ваши карты? — карты мне все напомнят. Есть гадание на "Что есть", на "Что будет", есть "тройное". И еще сколько других.

— Кто Вас научил гадать. У Вас что, в семье гадали?

— Нет, Мадам. Я начала в 17 лет. Я тогда жила у одной дамы, которая умела гадать. Но она гадала на себя. Однажды вечером она меня послала по делам — там я и испугалась. Утром она разложила карты и мне сказала: — Я вижу, кто-то убегает — а убежать-то пришлось мне, потому что вечером она меня посылала в темное местечко, и я ей сказала, что за мной гнались хулиганы — но на самом деле *этого не было*. Если бы я умела гадать на картах, я бы туда не пошла. <...>

— Я приду еще. Приду на второй расклад карт, на наш второй расклад. — Будьте счастливы, дорогая дама, и постарайтесь не упустить своего, и большое спасибо.

Перев. с фр. Е.С.Дружининой

чувство — что я умру от радости — или от страха.)

Но оставим — неприезд, будем — о приезде.

Скованная Вашим молчанием, упорством его, всё бóльшим и бóльшим *ростом* его, на мне — *весом* его, скованная внешне как и внутренне, я ничего решительного не предприняла — и не могла предпринять. Я только запросила домой, *докуда* я здесь, и ещё — одну свою приятельницу — сможет ли она мне временно одолжить требуемую сумму. Докуда — еще не знаю, деньги будут в любую минуту (Вашей в них надобности — *любой* — помните.) *Всё* дело сейчас 1) в степени Вашей поправки 2) в сроке моего пребывания, ибо не от меня зависит.

— Голубчик, *знаю*, что пишу не о *том*, но ведь в *том* я (пока) *бесильна* — потому-что не знаю *точного* состояния Ваших лёгких и, вообще, Вашей физики: сопротивляемости, *едоспособности* и способности усвоительной, не знаю Вашего физического материала — будьте другом, напишите мне серьёзно и подробно — а не капризно (напр<имер> "резали что-то возле печени" — что́ это за ответ? Неужели Вам самому не интересно — что́, а если самому не́ — неужели Вы не понимаете, Вы до сих пор не понимаете — *что́ для меня* — *Вы* — *весь*, со стихами как с кишками.) Но — к делу: напишите мне *всё*, что Вы о физическом себе знаете — и больше, чем знаете — узнайте, чтобы узнала — я́. Тогда — можно говорить.

Другое: предположим, что этот Ваш приезд ко мне к 15^{МУ} сентябрю — не удастся — либо потому, что Вы недостаточно окрепнете, либо потому-что мне придется уехать раньше, — что́ Вы хотите, на выбор: чтобы я́ к Вам осенью в Schwendi приехала — и уже не на час (сейчас, при максимальной удаче, это был бы час — если это вообще мыслимо — в один день —

из Арсина в Швенди — в один день — с невозможностью ночёвки, ибо я без загранич<ого> паспорта и не могу получить визы) — уже не на час, а на несколько дней. У меня в Париже загр<аничный> паспорт есть, и есть друзья, и они мне с визой помогут. Только — важная подробность — где я в Schwendi буду жить? Можно там жить? Это (помимо санатории) — деревня? Комнаты — сдаются? Цены — астрономические или человеческие? (Хотя вся Швейцария — астрономическая, только зажигалки — человеческие.) А если не в Schwendi — так где? Чтобы каждый день видаться. А можно — каждый день видаться?

Второе: хочешь — ты — приехать осенью в Париж — и вот для чего. У меня есть друг — женщина — русская — изумительный врач и человек¹ — и с изумительным врачебным даром (génie).* Когда — в 1929г. — у близкого мне человека никто в легких не находил ничего — она первая прослышала и забила тревогу и добилась немедленного отъезда сюда-же — откуда пишу. Она абсолютно-подробно и, одновременно — le grand coup d'oeil,** т.е. никогда не рассматривает больного только в данности больного органа, а — неизменно — в совокупности всего его физического и духовного явления — в соответствии всего со всем. Я ей не только верю абсолютно (что "я" — и что — "верю") я знаю — своим, и всех своих друзей, и знакомых и даже чужих людей за 14 лет — опытом — что лучшего врача быть не может.

Хочешь — пойдём к ней? Она скажет всю правду — все твои возможности и невозможности — и перспективы — и запреты, — всего тебя физического тебе даст как на ладони.

---

* гений, талант (фр.)

** широкий взгляд (фр.)

Она очень любящая (и очень *меня* любит) и совсем особенная, с таким же *душевым génie*, как *врачебным*. (Она — эмигрантка ещё царского времени, 20 лет в Париже, непрерывная практика, работает у самых больших профессоров, у неё ход ко всем именным врачам (светилам), которые *всегда* — не было исключения — подтверждают ее диагноз.) И это мне родной человек, и к тебе отнесется как к родному.

— Хочешь? Тогда ты приедешь ко мне, я тебя устрою в Ванве, возле, и буду с тобой всё время, которое захочешь и сможешь. (А утром буду приходить здороваться.) Ты будешь мой *гость*. В город от нас — рукой подать: 7 мин. ходу до метро и столько же до автобуса.

Но — как ты хочешь? (Сколько вопросов — и насолько бы проще...) Т.е. как ходил до операции? Сильно ли задыхаешься? (Я теперь рада, что тогда проводила твою сестру — точно — немножко — тебя) Одолеваешь ли подъём — и какой? И есть ли такой, который *не* преодолеваешь? (Говорю не о горах, а в размерах холмистого города. Впрочем, у самого метро — стоянка автомобилей, а до нас — на машине — минута) Еще подробнее: сразу ли ты чувствуешь — что в гóру? (Незаметный для глаз подъём.) Вообще — что́ у тебя с легкими? В точности. (Есть правое и левое, есть верхушка и низ — и середина, наверное, так что́ — с каждым и в каждом??)

Значит, решай — как тебе лучше. И реши — немножко заранее, хотя бы в виде плана. Я бы безконечно хотела тебя ей показать. (Ее зовут Маргарита Николаевна, ее дом в Париже — единственный, куда я прихожу без зова — могу придти в любой час суток — и несуток — в любой час души.)

Тогда вместе с М.Н. всё выясним: всего тебя — и будет

легче — и тебе и мне.

Но о себе — сейчас — не хочу тебе писать, проглочу. Эти дни (твоего молчания) одни из моих самых тяжелых за жизнь. (Знай раз-навсегда, что я *ничего* не преувеличиваю: *всё* преуменьшаю.)

Сейчас *одно* важно: твоё здоровье, — и моё к тебе — только, поскольку я могу тебе помочь: от помочь до развлечь.

Еще одно: не оставляй меня *та́к* — подолгу — без вестей, *ради Бога!* Ведь есть — открытки. Только *два* слова, чтобы мне *та́к* не мучиться — как эти дни. (*Ка́к* — ты не узнаешь никогда. Да и я не знала, что так — можно. Каждую минуту целого дня, и *всей моей силой* — а сколько их было — дней!)

Но *ты* это — забудь, ты мне ответь:

1) что́ показал снимок.

2) есть ли, в связи с этим, *надежда* на приезд в St.Pierre не позже 15го (позже — боюсь — будет мой отъезд)

3) что́ решаешь: мо́й Берн или тво́й Париж.

4) если Берн, т.е. Schwendi — *ка́к* там устроиться (цены)

Всего 4 вопроса и *умоляю* тебя ответить на них возможно скорее и точнее: можно вместить ровно в 8 строк. 5) Как ходишь? (Тогда — 10)

Теперь жди — с завтрашнего дня — ряда приятных вещей, все дни подряд, ибо я тебе не писала только потому — что не *знала*, *нужно* ли тебе это, не *слишком* ли *много?* *трудно?* — вся я (хотя и пытающаяся уменьшить свой вес, как в детстве — физически — 17 вёрст в тарантасе, на чьих-то коленях — не давить: не весить, сплошь на мускулах сердечного страха.)

Убеди меня, что я тебе — *нужна*. (Господи, в этом всё дело!) раз-навсегда убеди, т.е. сделай, чтобы я раз-навсегда

поверила, и тогда *всё будет хорошо*, потому-что я тогда могу сделать — чудо.

Итак, я жду — делового ответа, а ты жди — ряда *непременных радостей*.

(Знаешь сонет у Гёте который называется:

Sie kann nicht enden...*

(гениально, что он с этого — *начинает!* И гениально, что это самая законченная форма — сонет.)

О твоих стихах (только сейчас, после перерыва Гёте, заметила, что всё время писала ты) напишу отдельно и внимательно.

Я всё делаю (пишу, перевожу, читаю, хожу, говорю) и у меня ни одной мысли в голове нет, кроме тебя и твоего здоровья.

Ты думаешь — я не писала "случайно"? П<отому> ч<то> чем-нибудь была "занята"? Мне это неписание тебе стоило больших усилий, чем *все* мои писания вместе взятые: *других* усилий: *другие* мускулы работали: *обратное*.

Ну, жду, обнимаю, люблю — но не даром я не люблю глаголов (страшная грубость!), но чтобы обходиться бёз — *нужны стихи или присутствие*. Будет и то и другое.

А завтра тебя ждет — верная радость.

М.

Я больше не хочу писать Вам Monsieur** — какой Вы Monsieur? — Вы гораздо больше Herr,***, чем Monsieur — только вспомните производные: *herrisch, herrlich, Herrlichkeit* — и *Heer* по соседству (*himmlische Heere*)****

---

* С.В.Шервинский переводит заглавие этого сонета "Она не может закончить" (нем.).

** Господин (фр.).

*** Господин (нем.).

**** повелительно, великолепно, великолешие — <...> войско <...> небесное воинство (нем.).

Примечание:

- 1 Речь идет о Маргарите Николаевне Лебедевой (1885-1958) (см. о ней также в воспоминаниях А.Эфрон "Страницы былого" и "Самофракийская победа", кн.: А.Эфрон "О Марине Цветаевой", М., 1989, с.202-204 и 224.)

Письмо о стихах

Château d'Arcine, 1го сентября 1936 г., среда

— Что́ я об этих стихах думаю¹?

Первое и резкое: убрать кавычки — отличные стихи.

Зачем и откуда — с Вашим чудесным сердцем — кавычки на таких чудесных, чудодейственных вещах, как жалость, труд, страдание, любовь, подвиг?

Что такое кавычки? Знак своей непричастности — данному слову или соединению слов, знак его условности в наших устах. Подчеркнутая чуждость их простому употреблению и толкованию. Знак своего превосходства — над той простотой. Кавычки — ирония. То-же самое, что "так-называемая жалость". Так называемая, а мною так не называемая, мною не та́к называемая, мною называемая — слабость (либо глупость.)

Но, родной, вычеркнув из своего душевного обихода и словаря — слова (и понятия) — совесть, расплата, нищенство, больница, тюрьма, братство, любовь, труд — что́ тогда от мира и от сердца остаётся?

Вы скажете: — М. И., Вы передёрнули, Вы подменили пошлые (ставшие пошлыми) словесные соединения — именами

существительными, пошлыми быть не могущими.

Но, мой друг: что пошлого — в больничной палате? Это не пошло, а — точно. То же и о нищенской суме² (я, кроме этой нищенской сумы, в России, с 1917 г. по 1922 г. ничего не видала, но ее зато — непрерывно.) И расплата за день³ — не пошлость. М<ожет> б<ыть> — немножко общё. Беря эти слова в кавычки, Вы в кавычки берете не словесные трафареты, ибо эти слова — не трафарет: слишком уж насущны, как "черный хлеб", как сам чёрный хлеб. Остаются другие: "равенстве, братстве, любви и труде" (привожу из памяти) и "мысли о меньшем, страдающем брате" — да, эти слова — трафарет, но зачем же Вы их берете? Зачем же Вы пользуетесь грошевым орудием чужого неумения — чтобы разбить бессмертные вещи?

Ведь два вывода: либо Вы, в этих стихах, сражаетесь с словесными трафаретами, а не с вещами, тогда — стóбит ли? Либо Вы наивно отождествляете бессмертные понятия с пошлыми наименованиями (из которых половина не пошла, а — до ужаса не выразительна) По́ чему Вы в этих стихах бьете? По громким фразам 60-тых годов? Но для них это не были фразы, они за них умирали (вспомните последнее письмо Софии Перовской⁴ — матери — о "воротничках", стóющее последнего: "Мои cher Papa" ... Шарлотты Кордэ.)⁵ По самим вещам (жалость, любовь, труд)? По себе — такому дураку, что в них — поверили и на них — оборвались?

Стихи эти я читаю — наоборот: без кавычек, и — честное слово — даже в "меньшем брате" никакого трафарета не чувствую. Простая болевая правда их — уничтожает их некоторую общность, слова эти здесь (д<олжно> б<ыть> от Вашей внутренней правды) звучат заново, совершенно не смешно, — в полный и смертный серьёз (Как я хотела бы —

чтобы они так были написаны, и до чего они так — внутри — написаны!)

Конечно (и в этом сочувствую Вам — как пишущий) куда тогда девать дребедень и ерунду (которым, кстати, Вы противопоставляете какую *не*-дредбедень и *не*-ерунду?) Заметьте, что Вы здесь, в 8-ми строках израсходовали всё человеческое величие, что у Вас на противопоставление не остаётся ничего — кроме всей человеческой малости.

— Компромиссный совет: если Вы так уж держитесь за жестокие, несправедливые определения *жертвы* — как ерунды и дребедени, всё же уберите кавычки, ибо помимо их оскорбительности и моей оскорбленности, в них, за Вас — нехорошо в стихах — столько кавычек, это уж — вроде статьи. Стихи должны писаться словами безусловными — а не условными. Сам приём — дешёв — не сердитесь, то же самое, как когда какой-нибудь пурист из "Посл<едних> Нов<остей>"⁶, за ленью, употребляет какой-н<ибудь> советский ходкий, якобы ненавистный ему, а по существу — необходимый оборот. Если Вы эти вещи (жалость, любовь, труд) — ненавидите, разбивайте их по существу. (Ницше.) Если вы эти словесные трафареты ненавидите — не употребляйте их. Нельзя отречься от вещи полным ёю же — ртом. Отречение прежде всего — изъятие себя из её, её из *своего* оборота.

...Тут *двое* стихов, неслитных и неслиянных. Вторые — 5 строк, законченных и *замечательных*. Это совсем отдельные стихи, с теми незнакомые, связанные только одинаковостью размера. Прочтите сами, *забыв* начало:

Бедность легко узнают по заплатке,
Годы — по губ опустившейся складке,
Горе?

— Но здесь начинаются прятки.
Это любимая, взрослых, игра.
— Всё, разумеется, в полном порядке.
(У собеседников с плеч гора)7

Приписка сбоку:

Совсем, *совсем* хорошо.

Только: не у собеседников, а у собеседника. Непременно.
1) Так мне запомнилось, а мне всегда запоминается *по лучшему*. Так напр<имер> у Бальмонта — Морское дно — последние слова поэмы: — Два слова сказала мне дева со дна — Мне вам передать их дано — Я видела солнце, сказала она — Что *дальше* — не всё ли равно.⁸ Так я, 14 лет, прочтя — запомнила. А у него оказалось — после. Ведь настолько хуже — и по звуку (да-а-альше и после) и по ограниченности понятия "после" — временем (*дальше* — и время, и пространство: даль годов и вёрст, просто — *даль*). Кроме того, с первой строки до последней мы видим у Вас не ряд лиц, а одно лицо, лицо одного человека — бедного, стареющего — работу жизни над одним, данным человеческим лицом. И (последнее, фактическое) нас всегда спрашивает (Как поживаете?) *один* собеседник, а не двое и не трое. Проведите стихи на единстве — показуемого и вопрошающего, тогда каждый в них себя узнает, ибо в этом назначение и *победа* стихов, чтобы каждый себя в них узнал, а не *все*. (*Всех* — нет, т. е. *есть* — и тогда нет никого.)

Вот, мой родной, по полной *чести* и совести, что я думаю об этих Ваших стихах. Пришлите еще, если есть. И — *пишите* еще, *этого* дыхания Вам ничто не съюзит. Пусть стихи будут Вашим безграничным вздохом.

И опять возвращаюсь к письмам и стихам. *Слейте*. Берите

из себя письменного (не из писем, а из того, кто — или верней: что их в Вас) пишет. отождествите поэта с человеком. Не заставляйте поэта говорить ни жёстче, ни презрительнее, ни горше, чем говорит человек (не когда с другими говорите, и м<ожет> б<ыть> даже — не когда со мною, а — с собою.)

Ведь смотрите: Ваше письмо и Ваши стихи — на той же бумаге, тем же чернилом, тою-же рукою, тем же присестом руки — и два разных существа. Человек (Вы) — несправедливо и неправедно — беззаботностью друзей и близких пропустивших начало болезни — обреченный, 26 лет (?) — не-жить, отсутствовать, *смотреть* на горы — вместо того чтобы их *брать*, да еще — поэт, т. е. самая уязвимая, и в полном здоровье непрерывно ранимая порода — этот человек, почти мальчик, находит в себе мужество сказать: ... "и умирают от чахотки под мостом, тогда как я сейчас в отличных условиях —" тогда как в священном праве был бы на прямой удар Богу: — почему столько идиотов, моих сверстников, растрачивают свой избыток сил: мускулов, — дыхания — сердца — крови — по футбольным и иным площадкам, топчут его — на этих площадках — ногами — *Твоё* дыхание — ногами топчут! — тогда как я, существо разумное и одушевленное, а м<ожет> б<ыть> и *избранное* — просто не могу дышать. Кто взял мои легкие? За что?

— Нет, *Вы* думаете о несчастнейших себя: о подмостных, о вконец недвижных — во всем Вашем вопле (чистого отчаяния) ни звука — упрёка и *справедливого* бы негодования — никакого равнения по счастливейшим. Ваш вопль — чист.

А поэт — *Вы* — больничную палату берет в кавычки. И *Вы* думаете я ему — верю??

О Вашей болезни ("так может длиться годами, десятилетиями...") я Вам напишу отдельно, я об этом непрерывно думаю — *и тут нужно что-то решить раз-на-всегда.*

Но так как я Вам *каждый* день обещала — *радость* (а

письмо невольно вышло серьёзное) — вот стихи, единственное достоинство которых — тождество с бывшим (и сущим во мне каждый день и час моей жизни.)

До завтра!

М.

Снеговая тиара гор —
Только брэнному лику — рамка.
Я сегодня плющу — пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Догоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан —
Как ребенка за подбородок.⁹

МЦ

16го - 17го августа 1936 г.

Савойя

Примечания:

- 1 Далее идет отзыв на стихотворение "60ые годы", которое А.Штейгер готовил к публикации в № 62 жур. "Совр. Записки" за 1936 г. Это стих. приведено Цветаевой в письме от 7 сент.
- 2 Речь идет о 2ой и 3^{ей} строках 4ой строфы:
"Мысли о нищего жалкой суме,
О позабытом в больничной палате..."
- 3 Первая строфа стих. завершается строками:
"Каждую ночь просыпается совесть
И наступает расплата за день".
- 4 Народоволка Софья Львовна Перовская (1853-1881) — одна из организаторов убийства Александра II — 22 марта 1881г. в ожидании суда

писала матери: "Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встречаю ее. И, право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения... Просьба к тебе есть: купи мне воротничков и рукавчиков с пуговичками, потому что запонок не позволяют носить, и воротничок поуже, а то нужно для суда подправить свой костюм..." (Е.Сегал. Софья Перовская. М., 1962, с.353).

- 5 Шарлотта Кордэ (1768-1793), заколовшая вождя якобинцев Жан-Поля Марата, за день до суда и казни обратилась к отцу со словами: "Прощайте, дорогой отец, прошу Вас забыть меня или, вернее, порадоваться за мою судьбу. Причина ее прекрасна: Я мстила за многих невинных жертв. Я предупредила много несчастий." (А.Ламартин. Жирондисты. СПб, 1911, с.232-233).
- 6 Русская эмигрантская газета в Париже, редактором которой был П.Н.Милоков.
- 7 Это стихотворение А.Штейгера было опубликовано в № 62 жур. "Совр. Записки" за 1936г.
- 8 Цветаева имеет в виду стих. К.Д.Бальмонта (1867-1942) "С морского дна" (Книга "Будем как солнце"). Она неточно цитирует первую строку последней строфы. У Бальмонта: "Два слова, что молвила дева со дна..."
- 9 Цветаева приводит первое стих. цикла "Стихи сироте". В первой публикации ("Совр. Записки", 1938, №66) начальная строка:

Ледяная тиара гор

и 6-ая строка:

Обгоняла на всех дорогах

Моя Женева (31го сент<ября> 1936 г.)

Вчера, после женевской поездки, я окончательно убедилась в полнейшей безнадежности нашего такого свидания.— И вдруг мне вспомнилось странное по жестокости слово совсем молодого Государя — земцам, кажется: — Не смейте мечтать.¹ (И — посмели.) Итак, я после вчерашней поездки поняла, что не смею и мечтать. Теперь слушайте внимательно, ибо во мне как вы уже могли заметить, живет тот самый пастернаковский

— Всесильный Бог деталей² — я бы себя определила как некоего "miniaturiste en grand" et même — en geant — et même en immense.

Итак — накануне меня запросили: — Хотите завтра в Женеву? — И я сказала да, потому что у меня были для Вас вещи, и я не хотела отправлять через чужие руки — чтобы другой писал квитанцию. И — одинаково-главное, ибо я не эгоист — хотела показать Муру Женеву, т.е. дать ему возможность в, близком уже, классе ею — хвастаться.

На другое утро — и целое утро — занималась упаковкой Ваших посылок и приведением нас с Муром в более или менее швейцарский вид. Жду машины с 10 часов и — со страхом: башмаки еще не начищены, identité* еще не вынута, Мур еще не мыт — и т.д. Но 10 часов — 11 часов — 12 часов — машины нет. Вылезаю из своей пещеры — в сад, наведаться. Хозяйский сын (тот, что пишет о Радищеве, — мой умственный друг)³ — М.И., Вы с Муром одни едете в Женеву — ни мама ни Вера⁴ не едут. — Тогда я не еду — ибо я в Женеве ничего не найду — ни даже озера — а если и найду, то там и останусь и уж во всяком случае не найду машины. Что я буду делать одна, да еще с Муром, в чужом городе, без паспорта, и будучи мной?? — Бегу оповещать Мура. Он — убит, но не показывает. Но — как всегда в моей жизни — я-то приняла всерьез — да еще в какой, а — оказывается, так, слова, неопределенность. Иду к хозяйке и слегка уговариваю (знаю одно: мне нужно отправить вещи!). Она неопределенно отказывается и соглашается. А уже — час, уже обед (бесконечный), — уже — два, автомобиля — нет. Словом, чтобы не изводить Вашего внимания и зрения зря

---

* удостоверение личности (фр.)

— машина приехала в 4 ч<аса> (вместо 10 ч<асов>!) — ее заказывали по телефону через почту и произошла путаница — а выехали мы — со всеми сборами — в 4 1/2 ч<аса>. Дорога — дивная, но я думаю о своих пакетах, уже совсем готовых и надписанных.⁵

Мне — все — советуют развязать, но я — креплюсь, ибо завязанная вещь — уже Ваша, то же самое, что распечатывать свое же письмо. Границы — три: бензинная, французская и швейцарская. — Pas de marchandises? — Rien.* (Ибо я же — не продаю!) — Миновали. — Новая забота: я в Швейцарии не была с 1903г.⁶ — и тогда посылок *не* посылала — съумею ли на чужой почте — отправить? И — наберусь ли мужества остановить полный автомобиль людей — перед своей почтой? По дороге мне показывают Jardin Anglais, Rade,** озеро, но я ни на что не смотрю — велю смотреть Муру). Но и это — одолено. (В Швейцарии люди так же вежливо отвечают, как я — спрашиваю.) *Теперь я могу ехать назад.* Но — начинаются Uni-Prix,*** пассажи, словом тот самый хозяйственный и женский ад. Мур сразу просит stylo**** и еще ряд вещей, я непрерывно заставляю его множить на́ пять, хозяйка замка (русская швейцарка⁷ — милейшая) выбирает воротнички для дочек, к<отро>ые в России (посылает в письмах), полковник-хозяин⁸ хочет пива, Муру на́-пять *не* множится — словом, добрый час стояния над вещами, погруженности — с мордой — в те детали, к<отор>ые я ненавижу — в ответ на шоколадный избыток не покупаю ничего (Вам, наверное, после операции нельзя, а Муру купила

---

* Ничего для продажи? — Ничего. (фр.)

** английский сад, Рейд (фр.)

*** здесь: магазин стандартных цен (фр.)

**** вечное перо (фр.)

хозяйка) — сидим в кафэ, внутри, жара безумная, пишу Вам открытку, чем пользуясь Мур заказывает себе невероятную кружку пива (Gargantua!) — и опять Uni-Prix — и опять требования stylo (у него — два) а тут еще и автомобильчики за 40 и 75 швейц<арских> сант<имов> — занимаемся умножением — (хозяева все время тут-же — только в продовольст<венном> отделении: закупают для пансиона) — и когда с Муром, наконец, выходим — нет никого. Долго нет. Совсем нет. Умоляю Мура отыскать автомобиль. Пересмотрев штук 50 — отыскивает (я бы в жизни не узнала, для меня они все на одно лицо: нечеловеческое) — вовсе не на том месте, где было условлено. Вижу — Тавас, покупаю зажигалку — чудную, за 1 швейц<арский> франк — но так как у меня уже моя есть и будет граница, кладу ее себе запазуху — поглубже. Потом влезая — в раскалённый автомобиль — и жду. Мур мотается возле, то возникает, то пропадает, боюсь машин, выхожу, гляжу, опять сажусь. 7 ч<асов> 7 1/2 ч<асов>. Подходит от времени до времени возница: — Et alors? Vous n'avez pas vu le colonel? — Non. — Et moi non plus.* — Потом уводит Мура пить пиво. Все магазины закрылись. 8 ч<асов>. И — усугубите внимание — начинаю чувствовать, что — жжет. Т.е. давно жжет, с первой минуты. В ямке между расхождением ребер. И — здорово жжет. Она. Зажигалка. Как на-грех на́литая бензином. Пытаюсь извлечь, но — как? Платье сверху узкое (застежка на спине) достать сверху — невозможно. Словом — примите на веру: чтобы извлечь зажигалку, нужно платье — снять. Кроме того, у меня чувство, что она вроде как приросла, пытаюсь рукой — сверху —

---

* Ну как? Вы не видели полковника? --- Нет. --- И я нет. (фр.)

двинуть: не двигается. Начинаю думать — обсуждать — может она или не может загореться, т.е. бензин — от моего жару — загореться. На это ведь есть — законы. Т.е. *точно* известно, может или не может. Но я-то их не знаю и могу ждать — *всего*. Пытаюсь себя утешить (а жжет — болит — нестерпимо!) что никогда о таком случае не слышала. Но м<ожет> б<ыть> потому, что никто наполненной зажигалки впродолжение 2 ч<асов> в такой тесноте на теле не держит? А вдруг загорится — как раз, на границе? Со мной — бывает. (И платье сгорит, и автомобиль сгорит, и *граница* сгорит!) От времени до времени (а час да-вно девятый) справляюсь рукой сверху — не тлеет ли платье — и нюхаю: не пахнет ли горелым? Нет! но пахнет — бензином. Та́к — точно меня в нем выкупали. А — спутников всё нет, а Мур непрерывно пьет с шоффёром пиво, и потом оба подходят — и опять уходят. (Другая группа ждет нас в Аннемассе с 7 ч<асов>. — Сейчас девять. Заблудились? Но хозяйка — уроженка Женевы. Что случилось? — Ох, жжет!)

В 9 ч.^{1/4} — явление полковника: жене в Uni-Prîx стало дурно — упала — отвез к врачу, ей сделали впрыскивание (сердце), нас искал в каком-то Molé (?) где якобы уговорились с шоффёром — и т.д. Едем — за ней — к врачу. Ей совсем плохо, полу-сводят, полу-вносят. И — в обратный путь. Граница. 1,2,3ья: Rien à déclarer?* Мур протягивает автомобильчик за 40 сант<имов> и 2 шокол<адные> бутылочки, обе — за 20 — он серьёзен, пограничники хохочут — хозяйка

---

* Ничего не декларируете? (фр.)

— слабой рукою — "raisins secs",* а я — ничего, ибо то, что могла бы и должна бы — непоказуемо в данную минуту никакими человеческими способами. Да! ещё одно: перед отъездом прошу шоффёра взять к себе мои папиросы (у меня уже есть — в портсигаре) и тут же думаю: не получу обратно, он — забудет, а я — не напомним — ибо папиросы — вещь мужская, а не женская, и нельзя у мужчин отбирать папиросы — хотя бы свои же. (Своих женских папирос — нет.) (NB! Пишу Вам — уже третью страницу — глупостей, но — нынче пятница, 4⁰⁹ — я на те мои вопросы ещё ответа не получила, значит — не могу говорить о Ва́с: просто ничего не знаю: белó, а я надеюсь Вас немножко развлечь: отвлечь) Кончены — границы. Возница — мне — пакет. И я, сражённая его памятью, в полном смущении благодарности — чтобы чем-нибудь эту свою радость — компенс<ировать> — возвратным движением — Gardez. — Merci alors.**

Курим оба: он угощает и я, конечно, не отказываюсь. В Аннемассе берем отчаявшихся спутников. Дорога — дивная. Прохлада. Весь жар дня, машины, шоколадов, покупок и пр. сосредоточился в одном месте: зажигалочном. Но раз — 2 ¹/₂ ч<аса> жжет и не загорается — значит, уж не́ загорится. Событие восходящей луны. (А есть другое:

Was niemand sieht und sah: Monduntergang —***

Над черным краем горы — золотая проволока. (Не золотая — медная) И вдруг — мы ли вынырнули, гора ли ушла — весь шар на небе: красном. Голос из кузова машины — Неправда-ли, М.И., луна похожа на русскую красавицу? Я, любезно: Да,

---

* изюм (фр.)

** Возьмите себе. — Ну спасибо. (фр.)

*** Чего никто не видит и не видел — захода луны (нем.)

очень (Для меня луна — самоё одиночество. Всё нечеловечество одиночеств. Всё одиночество нечеловечества. Я ее не как поэт чувствую, а как волк.)

Дорога кружит, мы курим, те внутри молчат и вдруг: — Ох! Кошка перед прожектором. Закрываю глаза. И когда уже проехали 3 кил<ометра> — сосед, философски: *Vous auriez mieux voulu que ça soit nous?** И еще через километр: — *D'ailleurs — il est pas tué, il a passé entre les roues. J'en ai tué deux cette année. Ça aurait fait le troisième.*** — Зубец — и даже зуб башни. Огромные тополя. *Наш Bonneville*. Словом, после нескольких отчаянных заворотов по узкой дорожке — ветки вот-вот оторвут голову — замо́к. Бегу наверх и — зажигалка целой одной своей поверхностью — *пристала*. Не без труда отдираю: живое мясо. Громадный ожог — в две зажигалки (я её однажды — передвинула).

Теперь могу сказать по опыту (живого мяса): зажигалка, наполненная бензином и уплотненная за́-пазухой — 1) не зажигается 2) но прожигает.

Вот Вам, дружочек, моя Женева — и навряд ли будет вторая.

— Не рассказала Вам о своих дорожных (под сурдинку зажигалочного жжения) мыслях — о том, как я согласилась бы всю дальнейшую жизнь быть та́к жгóмой (привыкла бы) — чтобы вместо шоффёра рядом со мной сидели — Вы. Но — трезвая мысль: — Но тогда он должен был бы уметь править, а если бы он мог уметь править — я бы м<ожет> б<ыть> та́к не

---

* Вы предпочли бы, чтобы это были мы? (фр.)

** Но она не убита, проскочила между колесами. В этом году я задавил уже двух. Эта была бы третья. (фр.)

хотела сидеть рядом с ним. — Но, если не он — то все-таки кто бы правил? — А — никто. Автомобиль бы стоял. Потом я подумала, что Вам было бы холодно и я бы за Вас беспокоилась, п<отому> ч<то> на себе у меня ничего теплого не было — чтобы одеть. (Кроме зажигалки *внутри*.) Потом я подумала, что ведь всегда можно обнять — чтобы согреть. Видение полюса. Все полярные экспедиции в одном видении: двоих в обнимку: старшего, согревающего младшего своим телом. (Когда пришли — младший оказался жив:) А мой спутник наверное думал о доме, и о завтрашней поездке, и о нас всех, внезапно заболевающих — и внезапно пропадающих — и внезапно дарящих папиросы. — *Droles le gens, les Russe, mais bien gentils quand-même...**

Что-же нам остается, Russe или не Russe — как не быть *bien gentils*** — друг с другом — до одиночества лунной планеты?

4го сент<ября> 1936г.

М.

Примечания:

- 1 Цветаева вспоминает слова Николая II, назвавшего "бессмысленными мечтаниями" надежды на либерализацию управления Россией, сказанные им 17 января 1895г. на приеме делегаций дворянства, земств и казачества.
- 2 Строка из стих. Б.Пастернака "Давай ронять слова!" (кн. "Сестра моя — жизнь").
- 3 Речь идет о Михаиле Михайловиче Штранге (1907-1968), в то время студенте историко-филологического факультета Сорбонны. Интерес его к истории русской общественной мысли XVIII в. оказался устойчивым. В годы фашистской оккупации Франции, будучи одним из организаторов отрядов "вольных стрелков" и партизан в Верхней Савойе, он вел переписку со знаменитым библиофилом Н.А.Рубакиным (Швейцария), удивляя его глубиной знаний литературы по этим вопросам. В 1947г. он возвратился в

---

* Странные люди эти русские, но такие милые... (фр.)

** русские [...] очень милые (фр.)

Советский Союз. В Москве увидели свет монографии М.М.Штранге "Русское общество и французская революция 1789-1794гг." (1956) и "Демократическая интеллигенция России в 18 веке" (1965).

- 4 Вера — младшая сестра М.М.Штранге.
- 5 Цветаева отправила Штейгеру несколько "пакетов". Об их содержимом дают представление записка от того же числа и вложенная в один из тех же пакетов ее книга "Ремесло" с дарственной надписью (см. с. 83 наст. изд).
- 6 В 1903г. Марина и Ася Цветаевы учились в пансионе сестер Лаказ в Лозанне.
- 7 Эмма Мельхиоровна Штранге (в девичестве Рам) родилась в России, выходцами из Швейцарии были ее предки.
- 8 Михаил Николаевич Штранге был полковником царской армии.

Записка:

Я сама хотела бы быть этой курткой:¹ греть, знать, когда и для чего — нужна

МЦ

3го сентября 1936г.

кажется — четверг

С.Пьер — Женева

Примечание:

- 1 см. прим. к письму от 3 сентября ("Моя Женева")

У этой книги¹ — своя история. Предназначалась она Даниилу Жуковскому, старшему сыну поэта Аделаиды Герцык, одному из мальчиков из "Писем Оттуда" 1) (которого я шестнадцати лет знала двухлетним, потом — не встрчала) —

взывавшего об этой книге, в письмах — годы. Один такой вопль до меня дошел. Переслать с оказией ее должен был Н.П.Гронский² 2) и очевидно не смог, так как книга эта оказалась, после его гибели, у него на полке, рядом с его Ремеслом.

Теперь она Ваша, и верю, что подержанность ее — в мечте одного — и в любящих руках другого (одного — далёкого, другого — погибшего) искупит ее некоторую — внешнюю — ненóвость.

Анатолию Штейгеру — с любовью и болью.

МЦ

— Женева

30 сентября 1936г.

Печатается по ст. Р.Кембалла "Завет перед отъездом".

"Марина Цветаева. Труды I-го международного симпозиума (Лозанна, 30.VI — 3.VII 1982) Peter Lang, Bern, 1991, с.74)

Примечания:

- 1 см. прим. 5 к письму от 3 сентября ("Моя Женева").
- 2 Николай Павлович Гронский (1909-1934) — сосед М.Цветаевой по Мёдоу. Она знала его юношей и гордилась тем, что он стал "большим поэтом". После его трагической гибели она посвятила ему очерк "Поэт-альпинист" (1934) и стихотворный цикл "Надгробие" (1935), а в 1936г. опубликовала отзыв на его посмертную книгу "Стихи и поэмы".

Château, 5го сентября 1936г.

Дружочек, вот наш замок. Справа с краю — Мур, а я ещё правей — за краем карточки.

А вот тот плющ¹

МЦ

(5-6 сент. Цветаевой написано 4^е и 7^е стих. цикла "Стихи сироте" "На льдине — /любимый...", "В мыслях об ином, инаком..." см. стр.151-152 и 154 наст. изд.)

Примечания:

1 Ассоциация со стих. циклом "Стихи сироте".

St.Pierre-de-Rumilly — Haute Savoie —

Château d'Arcine, 7го сентября 1936г., понедельник

Родной! Нашла. Как по озарению, т.е. всем напряжением необходимости Вас выручить — во всем — всегда — следовательно (прежде всего) — *сейчас*:

В сущности, это — как старая повесть,¹

("Шестидесятых годов дребедень"):

Каждую ночь просыпается совесть

И наступает расплата за день.

2

— Может-быть только во времена Герцена и Огарева и их Наташ с такой горечью из Швейцарии — в Швейцарию же — посылались приветы.

МЦ

Женева, 3го сентября 1936 г.

Herrn A. v. Steiger

Sanatorium

Heiligen Schwendi

ob Thun

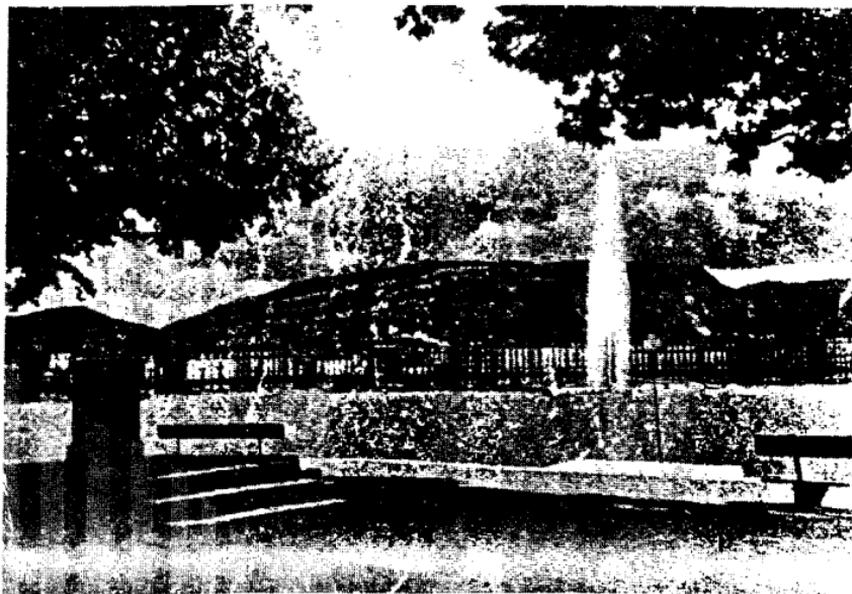
Au Grand Passage R. A. Genève. Nr. 110 Dépôt

— Может-быть только во времена Герцена и Огарева и их Наташ с такой горечью из Швейцарии — в Швейцарию же — посылались приветы.

МЦ

Женева. 3го сентября 1936 г.

Подлинник открытки (Дар господина барона де Пелиши) является собственностью Музея М.И.Цветаевой в Болшево.

Надпись на открытке:

Genève*

La Rade et le jet d'eau (90m.)**

* Женева

** Рейд --- так называли в Женеве искусственную насыпь, ведущую вглубь озера, на оконечности которой находился гигантский фонтан (90м)

Мысли о младшем страдающем брате,
Мысли о нищего жалкой суме,
О позабытом в больничной палате,
О заключенном невинно в тюрьме.

И о почившем за дело Свободы,
Равенства, Братства, Любви и Труда.
Шестидесятые годы.
("Сантиментальная ерунда".)

Приписка сбоку:

NB! Скобками при кавычках Вы себя окончательно отмежевываете. Скобки + кавычки здесь дают чью-то пошлейшую скороговорку, *физически* дают.

Только — так. Но опускаю все доказательства, ибо если сам *вид* и *смысл* стихов не убедит — все мои слова — безсильны. Но, вместо *всех* доводов — один (живой) голос:

Я, обезпокоенная за Вас в этих стихах с первой минуты их прочтения (не за Вашу бессмертную душу, в которой *не* сомневаюсь, но за Ваше доброе имя) сразу дала прочесть Ваш листок (не говоря — кто) — своему здешнему пишущему другу.²

— Чтó скажете? Не думайте, не думайте! Самое, самое первое!

— *Aigreur*.^{*} Досада, что во всё это — поверил, всему этому — служил, и в конце концов — оказался в дураках.

---

* горечь (фр.)

Такой же дурак был — как те. (Пауза.) — Тяжелое впечатление."

И это, мой друг, лучшее толкование Ваших стихов: *Вы*, морально, в лучшем случае! И я, и этот Миша — абсолютные читатели (читатели умыслов!) — и это всё, что мы по прочтении стихов в их первой транскрипции, можем сказать в Ваше оправдание, т.е. понять, что: "— и я, и если *дурость* — так *общая*".

Когда же, только что, сгоряча моей огромной радости, я в огороде достала Мишу и доставила его к себе на чердак — листок с *данной* транскрипцией в рúки — читайте! — он, просияв: — Замечательно! Тó, что нужно. Тáк — это для *других* — sentimentalная ерунда и дребедень, а для *него* — святая святых. Под *этими* стихами — подпишусь.

Вот Вам — читатель. (*Я не сказала — ни слова.*) Да и не только — он. И ребенок не ошибется. (Проверю на Муре.)

Теперь, на Ваше усмотрение:

Шестидесятые ч и с т ы е годы
либо:

Шестидесятые в е ч н ы е годы³

Чистые — люблю и слово и вещь, и чудесное противопоставление sentimentalной ерунде: клеймение — чистотой — всей той грязи (NB! не тóй, а — *этой!*)

Второе — в противувес шестидесятности: временности их — в е ч н ы е . В е ч н ы е годы, т.е. которые *никогда* не кончаются.

Выбирайте — что ближе и дороже, ибо — равноценны. Острее — *чистые*, глубже — *вечные*. Товарищеский совет: подчеркните (либо *чистые*, либо *вечные*) чтобы ещё, ещё ударить — и пометку: прошу подчеркнутое слово — в

разрядку. Чтобы не набрали жирным шрифтом, к<отор>ый нечто вроде физического воздействия, тогда как в разрядку — воздействие нравственное: молчаливая остановка внимания.

Тогда физически вид будет таков:

Шестидесятые ч и с т ы е годы

— смотрите, как хорошо.

А — русские — они всё равно — русские, не-русских (таких) не было, и если русские — не выходит противовеса *ерунде*. Говорю Вам как себе, собственности на слова нет, и — равно как в вопросе нашей встречи — не будем считаться копейками, которые (копейки или слова) нам всё равно не принадлежат (вот — зажигалка моя мне принадлежала, — верней: я — ей — когда меня *прожигала*), не будем этими малостями мешать возникновению *вещи* — встречи или стихотворения, — но *третьего*, которое больше нас.

Возвращаясь к первой транскрипции:

Ваша (да еще нарочитая) *confusion** — словесных штампов — и простых обиходных выражений — и бессмертных понятий — больше, чем неудачная — невозможная. Вы хотите быть *пóнятым* вопреки себе, вопреки знакам, и смыслу слов, — *á rebours.*** Это можно только в любви, в дружбе — нельзя. Не можете же Вы рассчитывать на *точь-в-точь* такого же как *Вы́* (чего и в любви не бывает) даже не на близнеца: *на двойника*.

Лучший читатель — только абсолютный друг, а абсолютный читатель — только любящий, т.е. всё равно — другой, непременно — другой: для того и другой — чтобы

---

* смешение (фр.)

** наперекор (фр.)

любить. (Себя не любят).

Если *я* усумнилась, то что же будет — с любимым, с первым встречным?

— Я не для него пишу. — Нет, *здесь* — для него и о нем, ибо кто же лежит в больнице, сидит в тюрьме и т.д., как не Ваш первый встречный читатель — и подзащитный? Но — его защищая и о нем вопия — делайте это так, чтобы он первый Вас понял, чтобы он, по крайней мере, Вас — *понял*: ведь это — тоже помощь! (Память.) (Как одна меня безумно любившая молодая женщина — смертельно-больная и совершенно-нищая — мне — из своих далёких: со своих высоких — Пиреней: — Марина! Я не могу вернуть Вам чешского иждивения,⁴ я не могу послать Вам ни франка, но я изо всех сил — из моих последних сил, Марина, — непрерывно, день и ночь о вас *думаю*.)

Что-же Вы, со своим безымянным подзащитным, своими кавычками — делаете?

Простой умирающий (русский шофёр в госпитале — а сколько их — госпиталей и шофёров!) Ваши стихи примет как последний плевок на голову (с бэльевера Вашего поэтического величия). — Стóило жить!

Нет, друг, оставьте темноты — для любви. Для защиты — нужна прямая речь. Да — да, нет — нет, а что больше — есть от лукавого.

Вы приводите строки Г.Иванова: Хорошо, что нет Царя — Хорошо, что нет России⁵ — Если стихи (я их не помню) сводятся к тому, что хорошо, что нет *ничего* — они сразу — понятны, — первому встречному понятны, ибо имеют только один смысл: отчаяния.

Лучше всего человеку вовсе на свет не родиться

И никогда не видеть зоркого солнца лучей.

Если ж родился — скорее сокрыться под своды Аида
И под покровом лежать тяжко-огромной земли.⁶

Эти стихи — какого-то древнейшего греческого поэта —
мы все писали.

Нет, друг, защита, как нападение, должна быть *прямая*,
это из мужских чувств, это не чувство — а *acte** (И Ваши эти
стихи — *acte*) а *acte* не может иметь двух смыслов — иначе
Вы сами не обрадуетесь — какие у Вас окажутся
единомышленники, и иначе сама Cause и Chose от Вас
отвернется: своего защитника *не* узнает.

Тут умственные — словесные — и даже самые
кровоточащие игры — неуместны. Направляя нож в себя, Вы
сквозь себя — проскакиваете — и попадаете в Тó, за чтó...
(готовы умереть.) *Нельзя.*

Я с горечью подозреваю Вас в нищезанстве? — Ого! —

Во-первых: нищезанство — и Ницше.

Нищезанство — как всякое "анство" — жиренье на крови.
Заподозрить Вас в нем, т.е. в такой вопиющей дармовщине — и
дешёвке — унижить — себя.

Но был — *Ницше*. (NB! Я без Ницше — обошлась. Прочтя
Заратустру⁷ 15 лет, я *одно* — узнала, другого — *не* узнала,
ибо во мне его не было — и не стало никогда. Я, в жизни,
любила Наполеона и Гёте, т.е. с *ними* жизнь прожила.)

Но помимо *нашей* необходимости в том или ином явлении,
есть само явление, его необходимость — или чудесность — в
природе. И Ницше — *есть*. И рода мы — одного:

Ja, ich weiss woher ich stamme!

Unersättlich wie die Flamme

---

* действие (фр.)

Nähr ich und verzehr ich mich.
Glut wird alles was ich fasse,
Kohle — alles was ich lasse.
Flamme bin ich sicherlich.*⁸

(Гёте — Flammentod:**

Wenn Du dieses Eins nicht hast:
Dieses: *stirb und werde* —
Bist Du nur ein trüber Gast
Auf der dunkeln Erde.)***⁹

Итак 1) горевать о Вашем "нищезанстве" (и писать — брезгливо!) я не могла, ибо — если бы я могла заподозрить Вас в нищезанстве — Вас бы для меня не было (был бы любой, позвавший — и любой — отозвавшийся. Любой с любим.)

2) я не о нищезанстве (*нище*-анстве!) горевала, а сказала: — Тогда — будьте как Ницше, т.е. открыто и горько и безпощадно — жгите.

(Знаете, что последней подписью под его последним письмом безумца было:

Dionyseus der Gekreuzigte****

— Так *видите*, что ему *Ницше* — стоил?!

---

* Знаю я — откуда родом!
Точно огонь ненасытимый,
Сам себе я корм и смерть.
Жар — все то, что я хватаю.
Уголь — все, что я бросаю.
Я воистину огонь!

(Перев. М.Цветаевой)

** здесь: смерть в пламени (нем.)

*** Коль постигнуть не далось
Эту "смерть для жизни", —
Ты всего лишь смутный гость
В темной сей отчизне.

(Перев. С.В.Шервинского)

**** Дионис распятый (нем.)

Ницше — одно из предельных воплощений человеческого (нечеловеческого!) страдания. И если я сказала: — тогда будьте как он — это только значило: *страдайте с его чистотой*. Убивайте (прежде всего — себя) *безкавыечно*.

Но и любите — *безкавыечно*.

На сегодня — ни о чем другом.

М.

Приписка сбоку:

Спасибо за собеседника.¹⁰ Первая транскрипция — как сразу сказалось — часто — *лучшая*.

Приписка сбоку на первой стр.:

P.S. Нынче еще буду опрашивать — в *этой* транскрипции и *дословно* — как гадалку — сообщу.

Примечания:

- 1 См. письмо от 1 сентября.
- 2 Речь идет о Михаиле Михайловиче Штранге . О нем в прим. к "Моей Женеве".
- 3 В публикации "Современных Записок" (1936, N 62) последняя строка: "Шестидесятые *вечные* годы"...
- 4 Ежемесячное пособие, которое правительство Т.Массарика выплачивало ряду русских ученых и писателей, живших в Чехословакии.
- 5 Начальные строки стихотворения русского поэта-эмигранта Георгия Владимировича Иванова (1894-1958).
- 6 Элегия поэта Феогнида из Мегары (6 век до н.э.) в переводе друга юности Цветаевой В.О.Ниландера.
- 7 Одно из самых прославленных сочинений немецкого философа Фридриха Ницше (1844-1900) "Так говорил Заратустра".
- 8 Цветаева не совсем точно цитирует стих. Фридриха Ницше "Esse homo". В

книге "Friedrich Nietzsche. Gedichte und Sprüche." Leipzig, 1901, s.83 оно опубликовано в следующем варианте:

Ecce homo

Ja! Ich weiß, woher ich stamme!

Ungesättig gleich der Flamme

Gluhe und verzehr ich mich.

Licht wird Alles, was ich fasse,

Kohle Alles, was ich lasse:

Flamme bin ich sicherlich!

Немецкий текст этого стих. и свой его перевод Цветаева приводит во 2-ой части "Повести о Сонечке".

- 9 Не совсем точная цитата из стих. Гёте "Блаженное томление" (Цикл "Западно-восточный диван"). У Гёте первая строка: Und solange du das nicht hast...
- 10 т.е. за то, что Штейгер принял предложенное Цветаевой исправление в последней строке стих. "Бедность легко узнают по заплатке..." (см. письмо от 1 сентября)

Château d'Arcine, 8го сентября 1936г. — ровно месяц, как я здесь

Родной! Вчера было письмо о стихах, а сегодня — о делах.

Но, чтобы кончить о стихах — вот Вам еще один отзыв — на этот раз — читательницы: — "Противно стало от всей нашей гадости — материализма, практицизма — вот и вспомнил — тех. Пусть сейчас всё это называют сентиментализмом и глупостями — а для него это *единственное, что есть.*"

Словом, тот самый: bon — très bon — brave — très brave. Très* — который, очевидно, Вас задел. (Обидно быть — "brave"....) Но — к делу: — Вот Вам уже два свидетельства,

---

* см. письмо от 29 августа 1936г.

мое третье. Если убедила во второй транскрипции — счастлива. Если нет — спокойна. (Переправьте, пожалуйста, в моем списке: И о почившем на: И о почивших — нечаянно. Неприятно, чтобы так осталось — хотя бы на час.)

Дело-же — следующее. Вчера, по прочтении Ваших стихов, она — Ваша читательница — сама предложила мне устроить ряд моих чтений по Швейцарии — этой осенью. Т.е. — я просто спросила, можно ли жить в Leysin в-непансионе, ибо я ни на какой пансион не способна, она спросила: зачем? — я сказала: к автору этих стихов — повидаться — тогда она сразу и очень *подробно* предложила мне столовую для неимущих, (я думаю — беспризорных, или, как их раньше называли — бродяг) — "и там 15 сант<имов> суп. Это Вы можете?" Я, очень серьезно: — Могу. (и, точно уже этот суп съела:) — Спасибо большое. — Словом, нечто антиалкоголическое — для chemineaux (и cheminelles* — мысленно добавила я, и уже совсем обнаглев, вслух): — А на какие же я деньги поеду ? (точно она мне предлагала эту поездку).

И — но тут начинается полный серъез — вполне серьезное, реальное, достоверное, с именами и отчествами — и даже фамилиями — предложение: организовать мою осеннюю — нужно думать — ноябрьскую — поездку по Швейцарии: — Женева — Лозанна — Цюрих — (Берна — не было) с рядом чтений. И тут же написала письмо одному из действующих лиц, которое я опускаю одновременно с этим. В письме (лицо — в Аннемассе¹) просьба назначить нам обеим свидание на ближайших днях. Сло́вом (тьфу, тьфу, не

---

* бродяг и бродяжек (фр.)

сглазить!) дело — пошло.

Но, дитя, взываю к Вашему серьёзу: моя Швейцария — дело *очень* трудное: мне, помимо всех чужих усилий — нужно огромное своё: — устроить Мура в надежные руки, каковых у меня в доме *нет* : отец его всегда занят, Аля — не в счет. Значит — отдать его той-же М.Н.² — в Париж, но этим самым — изъять его из школы, к<отор>ая в Ванве, т.е. найти и оплатить учителя. *Вся* история с паспортами и визами, помноженная на *всю* мою роковую бытовую неумелость. Наконец, моя невозможность никакого пансиона — самого дешевого, не говоря уже о швейц<арских> ценах, хотя бы шв<ейцарских> 5 фр<анков> в день. Т.е. Ваша необходимость отыскать мне "там" — *комнату*.

Но — *всё* это — *ничто* — при одном условии: Вашей уверенности в необходимости Вам моего приезда.

...Второе (бытовое) — если хотите меня видеть у себя в Швейцарии в ноябре — я должна начинать это *сейчас*. Т.е. должна быть твердо уверена, что Вы осенью в Париж *не* приедете, ибо если Вы — осенью, я к Вам в Швейцарию (если *всё* будет *хорошо*) — весной, а то нелепо — всё сразу, а потом — никогда — ничего.

Думайте, решайте, но — решив — не перерешайте, ибо я перерешить — не смогу. Сборы — для таких вечеров — весьма громоздкие, *всё* на доброй воле нескольких чужих людей, и я даром ничьей силы не трачу, т.е. даже если Вы в это время (неожиданно) окажетесь в Париже — поеду.

A Leysin или Schwendi или ещё-что — мне всё равно: т.е. равно-желанно — лишь бы не оказался — Тироль — или Шварцвальд — куда мне ходу — нет.

Ну — думайте.

МЦ

(9 сент. Цветаевой написано 5² стих. цикла "Стихи сироте" "Скороговоркой — ручья водой..." см. стр.152 наст. изд.)

Примечания:

- 1 Владимир Михайлович Фелькнер (1870-1945) — вице-президент Международного комитета по подготовке 100-летнего юбилея А.С.Пушкина в Женеве.
- 2 М<аргарита> Н<иколаевна> Лебедева, о ней см. письмо от 31 августа.

Château d'Arcine, 10¹⁰ сентября 1936г.

(Начало письма залито чернилами. Точками в тексте обозначены нечитаемые места, квадратными скобками — предположительная реконструкция слов или части слов. — С.К.)

— Я как раз думала над Вашей болезнью, выясняла ее для себя, чтобы выяснить для Вас — но это не сразу, мне нужно ..... [п]онять — отложим [и обра]тимся к срочному : Вашим стихам.¹ Первое и тверд[ое] ..... ника[ких] ..... слов) — разве Вы не видите, что [невоз]можно *одними* знаками ..... — разная: "сантиментал[ьная ер]унда" ..... [не] ..... не словесно, а по соде[ржанию] ..... [стра]дающего брата" Вы берете *только* словес ..... [млад]шего брата ..... (..... : начиная от Вениамина²) — и брата — "и" ..... [н]еудачна здесь только словесная ассоциация, и — мой друг — un petite effort* — а [м<ожет>

---

* малое усилие (фр.)

б<ыть>] grand effort* — *стерпите*, ... примите всерьёз — и на себя, реабилитируйте — хотя бы ценой упрёка Вас, поэта, в общем месте. (Стихи настолько *серьезны*, что никому в голову не придет. Либо — какому-<нибудь> "нищанцу", тогда это — патент на благородство. Реабилитации *сущности* путем взятия слова в кавычки быть не может. Наоборот : *Снимите кавычки*. Тогда эта строка будет звучать как детский и смертный серьёз. И — проверяю на последнюю чистоту — ещё одно: если всё-же боитесь, на себя — не берете, можете прибегнуть к другому типографскому знаку: разрядке. Смотрите:

Мысли о младшем с т р а д а ю щ е м брате

или:

Мысли о младшем с т р а д а ю щ е м брате³ — сразу остановка внимания, и обогащение смысла, и достоверность: Вы эти слова почему-то — подчеркиваете, т.е. произносите их не случайно: для Вас они (вопреки всему) *значат*. Так сразу снято подозрение в общем месте, и общее место — становится *болевым*, точным местом Вашей (нашей) боли. И такая чудная, в таком начертании, настойчивость: да, именно — младшем, и именно — страдающем, и именно — брате. Только еще не знаю: одно ли слово в разрядку, или оба, во всяком случае *не брате*.

Приписка сбоку:

О разрядке: это самая скромная остановка внимания, то же самое, что указать глазами.

Ведь разрядка есть указание — и даже приказание — ударения. Проверьте вслух. (*Я* клонюсь к выделению *страдания*, т.е. к первому начертанию строки. Не забудьте: тут

---

* большое усилие (фр.)

глаз и слух.)

Приписка сверху:

А — чище без разрядки, проще, мужественнее. Я бы — без: пусть думают — что́ хотят.

Второе: — никакого то-есть, ради Бога! Вы просто — портите. 1) — мозговое, статейное 2) неверно, ибо страдание и нищенская сума — не однозначущее: есть страдание без сумы и сума (mon cas*) — без страдания. Вы этим стихи губите.

Третье: *нельзя* "свободу, равенство и братство" — в кавычки. Любовь и Труд — вольно, это уж сплошной миниатюризм и микроскоп, и — простите — введение в большое человеческое — чего-то мелко-личного, автобиографического: для меня "свобода, равенство и братство" — ничто, зато вот — Труд и Любовь... Но кому, в этих стихах, до Вас данного дело, эти стихи не Вы пишете — и не о себе — а главное не *для себя* : только — *из себя*. Кроме того, все перечисленные вещи — большие, и *все* — тысячу тысяч раз повторены, это — родня, нельзя рóзнить семьи понятий, и — честное слово — *никто* Вас не поймет, а если поймет — то только через остановку внимания на Вашем личном (частном) случае — значит в полный ущерб стихам.

В мое безкорыстие Вы верите. У меня две корысти: сами стихи — Ваш правильный облик.

— Конечно, *вечные*, а не *чистые*. И *очень* рада, что мы с вами совпали. В *вечности* шестидесятых годов — предельный вызов. Бóльшего мы о них сказать не можем.

---

* мой случай (фр.)

О других стихах.

Первое — оставить как есть, в первой транскрипции. Т.е.:
Но не каждый ведь скажет: — "Брось, — Не надейся" —
слепцу, калеке. (Если: скажешь — Вы вместо другого
подставляете себя — и не выходит противопоставления.)

Третье:

...И даже сны...И даже (как старо!) —

Здесь вензель чертит и сейчас перо...

— я бы сделала:

...И даже сны...И даже (как старо!) —

Вот вензель чертит и сейчас перо...⁴

— это непосредственное, нечаянное, невинное, беспомощное:
— сам гляди, что же мне делать?! — В *вот* — данная *сия*
минута. И — сама рука.

Последнее: (Мы произносим дружба, счастье, Бог...)

1) О, если б человек вдруг научиться мог — в одну строку,
иначе нарушается единство вдоха.

2) Есть *о*, есть *но*, и есть *а*. *О* — возглас, *но* — рассуждение, *а*
— вопрос, запрос на-авось (соответствующий французскому:
et...) Я за *а* — чище, беспомощнее и отчаяннее. И —
человечнее, *похожее*. (А что если...)

С последней строкой — не знаю, что́ делать. Во-первых Вы
из трех вещей берете меньшую и *всегда* составную, т.е.
отродясь *пустую*, как данность и *са́мость* — несуществующую.
(Бог — Бог, дружба — дружба, а — счастье? И начинается: —
Покой. — Отсутствие желаний. — Исполнение желания. — и
т.д. Самой вещи — нет.) — итак, берете самую малую и
выделяя ее — даже помимо ее личной малости — *умяляете* обе

другие — и себя. (Только-то!) Во-вторых — взамен чего? Что это, в точности, значит? Человек перестал лгать, т.е. научился говорить правду, и сказал: Бога — нет, дружбы — нет, счастья — нет, и взамен получил *счастье*. Какое? Единственно-возможное: *веру* — и еще лучше — достоверность: Бог — есть, дружба — есть, счастье — есть. Так где же у Вас об этом сказано, если Вы это хотели сказать. (Если же *не* это — то *не знаю что́*.)

Всё будет спасено, если Вы в одной последней строке сумеете дать *всю* эту полочку. "Господи, возвах к Тебе и услыши мя..." Это, а не другое. Иначе — какая-то сделка: я — правду, а Бог мне — счастье. Разве Вы не чувствуете, что это вещи — несоизмеримые? Что Вы и Бога-то здесь — умаляете. (А себя — так совсем продешевляете!)

Куда лучше: То неужели Бог ему бы не помог

И смерти не нашлось, взамен, для нас — у Бога?
(Пробовала: *веры*, верно, но — слабо. *Чуда* — лучше, но — слишком уж элементарно. Но и *вера* и *чудо* — тысячу раз лучше счастья. А *смерть* — лучше всего, ибо чистое отчаяние. *Вопль*. — Думайте, ибо это совершенно меняет *Ва́ш* смысл. *Смерть* (прекращение муки) — как высшая награда. Хорош, д<олжно> б<ыть> — мир был. Хорош и есть.)

Стихи эти очень элементарные, их может спасти только острота и сила последней строки, к<отор>ая (все они — разсуждение) может быть только *воплем*.

— Думайте. —

Но и о другом думайте — и решайте. На самых днях я должна буду сказать одному из устроителей писательских швейцарских поездок — *когда* хочу читать. Скажу — ноябрь

— будет ноябрь — а *ноябрь* — по всей вероятности 1) и п<отому> ч<то> подходящий для чтений месяца, и п<отому> ч<то> еще будет действителен мой 1936-года паспорт. Загадывать на 1937г. — *далёко*. Особенно — на весну.

Мой друг, поймите меня: мне Швейцария *не* нужна: вне Вас — *не* нужна.

Но — не хочу лишать Вас Вашего парижского ноября, ноябрьского Парижа: у Вас друзья — дела — Вам в санатории надоело — Вы уже сейчас рветесь — что́ будет через два месяца?

М<ожет> б<ыть> — так сделаем: сначала я свое отчитаю, а потом *вместе* поедем — в Париж? Лучше так, чем: сначала Ваш Париж, а потом — вместе в Швейцарию. По разному — по многому — лучше. Начнем с Вас: как бы мы ни встретились (в Швейцарии) — остается Париж, и Париж остается Парижем, т.е. — либо радостью, либо необходимостью, либо развлечением — вне моего, в нем, присутствия. Учтите и свое сравнительно-здоровое, после долгой санатории, состояние. А из Парижа Вы поедете — растраченным — как зверь в берлогу зализываться, обрастать мясом и мехом, а вдруг — Вам встреча со мной не даст *всего*, или хотя бы — *того*, что Вы ждали? — физическая растрата, (возможная) душевная утрата, и перспектива санатории.

Для меня же — если наша встреча не удастся — Швейцария потеряет всякий смысл, т.е. — свой единственный. Это будет — повинность. Очень тяжелая.

Но, опять-таки — решайте, как хотите — Вы́. (Я знаю как трудно — хотеть.) Только — *твердо* и *сразу*. Если Вы уже твердо решили — к 1^{МУ} ноября, то мой план — не удастся, ибо до этого в Швейцарии побывать навряд ли успею. Но — на

сколько, в таком случае, Вы едете в Париж? П<отому> ч<то> в декабре в Швейцарию мне — может оказаться — уже поздно. Тем более, что мне предстоит еще бельгийская поездка — и тоже осенняя. Так или иначе, я мысленно ноябрь оставляю на нас. Боюсь, что моя поездка придется на середину ноября, т.е. в самое для Вас неудобное время. Но все-таки что-то решить — надо. Со дня на день (того господина зовут Фелькнер⁵ — он женевец — м<ожет> б<ыть> Ваш отец его знает) жду письма из Аннемасса — и тогда дело пойдет вне моей воли. Не забудьте, что я назначать — не могу. Перерешать — тем более.

— М<ожет> б<ыть> Вы всё это совсем иначе увидите? М<ожет> б<ыть> Вам грустно будет ехать одному в Швейцарию (не забудьте: мой план — ехать вдвоем в Париж после моей Швейцарии, т.е. после нашей черновой встречи.) — с чувством той или иной утраты, и во всяком случае без перспективы, — Парижа. Есть люди, которым от всего больно, по всякому — большее.

Да, да, иным всё удар. И эти Ваши стихи — сплошное *sous le coup*.* А последнее слово третьего стихотворения мне напомнило слово какого-то маленького принца крови — в XVIIIв. — своей воспитательнице: *Je t'aimerai — même mort*.

Не — *jusqu'à ma mort* — не: *après ma mort* — а: *mort*.** И это — пяти лет. (Больше ему — никогда не стало.) И как она могла — потом — жить?

Récapitulons:*** Вы откладываете свой отъезд дней на 10,

* под ударом (фр.)

** Я буду любить тебя — даже мертвый. Не — до смерти, не — после смерти, а — мертвый (фр.)

*** повторим вкратце (фр.)

ждете меня в Швейц[арии], там мы на-черно встречаемся и вместе едем в Париж, в котором встречаемся уже на-бело. Теперь, если Фелькнер назначит мои чтения в конце ноября — придется сделать иначе, т.е. сначала Вы — в Париж, а там — видно будет, поедем или нет — вместе — в Ваш обратный путь. Самое трудное — если мне ехать к 15МУ, так я разбиваю Ваш ноябрь. Думайте. А я Вас тотчас-же извещу, как только договоримся с Фелькнером — если сразу договоримся, чего, кажется, быть не может: ведь читать мне придется в трех городах, и он — не один, а только один из..., и города — целых три.

Где вы в Париже будете жить? С сестрой? А где и как — она? (живет.) Хотите у меня? Я Вам уступлю свою комнату и буду о Вас заботиться, — я к заботе привычна — и знаю меру. Сыты тоже будете. — Думайте. Одна беда: поздно вечером автобусы ходят редко (подходят близко), а от метро к нам большой подъем. Кроме того — нет ни центр<ального> отопления, ни ванны, дом старый — лет полтораста — и скорей холодный, а Вы — санаторией избалованы. Но — чудный воздух: улица — сплошные каштаны, и вообще — простор: форт, огороды, — ни одной трубы. Думайте — как Вам лучше: я совсем не знаю Ваших дел и предлагаю Вам *на всякий случай*. И совсем не обижусь — если найдете лучше. До свидания, родной — у меня голова разболелась от всех этих *allez-et-retour*'ов.

МЦ

Приписка сверху:

Самое сердечное спасибо за точный ответ — про легкие. Тронута Вашим вниманием и пониманием. Следующее письмо

— о болезни. Оно во мне уже давно пишется.

(11 сент. Цветаевой написано 6^е стих. цикла "Стихи сироте" "Наконец-то встретила..." см. стр.153 наст. изд.)

Примечания:

- 1 Цветаева возвращается к разбору стих. А.Штейгера "60-ые годы" (см. прим. к письмам от 1 сентября и 7 сентября).
- 2 Младший сын библейского патриарха Иакова и его жены Рахили, любимец братьев.
- 3 В "Совр. Записках" А.Штейгером дан следующий вариант:
Мысли о младшем страдающем брате
В этой публикации автором приняты поправки Цветаевой. В посмертном издании сборника А.Штейгера "2х2=4" (Нью-Йорк, 1982) это стих. посвящено М.Цветаевой.
- 4 Последние строки стихотворения А.Штейгера "Неужели навеки врозь..." (1936). В 1-ой публ. ("Русские записки", 1937, №2, с.123) эта поправка Цветаевой была принята.
- 5 Речь идет о В.М.Фелькнере, см. о нем письмо от 14 сентября и прим. к письму от 8 сентября.
- 6 Алла Сергеевна Головина, урожденная фон Штейгер, во втором браке баронесса де Пелиши (1909-1987) — поэт, прозаик. С Цветаевой познакомилась в годы, когда училась вместе с Алей в Моравской Тшебове (Чехословакия). В дальнейшем встречалась с Мариной Ивановной и состояла с ней в переписке, которая, к сожалению, утрачена. У А.Головиной есть стихи, посвященные Цветаевой.

Château d'Arcine, 12го сентября 1936г., суббота (мой любимый день и день моего рождения: с субботы на воскресенье: в полночь. Мать выб[рала] субботу, т.е. назад, этим определив мою сущность — и судьбу.)

— О Вашей болезни. Мне хочется самой понять и об этом

Вам сказать — раз-навсегда. *Поверим*, что Ваша болезнь по существу неизлечима, что Вы никогда уже не будете здоровым человеком. Примем это — и попробуем найти лечение — неизлечимости, выход — из явного тупика. Я *всегда* работаю на примерах и вне примеров не понимаю ничего. Поэтому — оборотом головы — на Р<ильке>.

Это был отродясь больной: больной уже потому и тем, что мать хотела Sophie,* а получился — René** (та́к его звали в детстве, Rainer'a*** о́н открыл et imposita****) — что его до 5 л<ет> а м<ожет> б<ыть> и позже, водили девочкой, этим подтачивая без того уже половинную мужественность поэта. (А потом сразу отдали в корпус . Сохранился один вопиющий отрывок, страшнее которого я ничего не знаю.)

В его письмах жене — женился рано — непрерывные таинственные упоминания о каком-то — недуге, хотя внешне был совершенно здоров. Нечто вроде "mon mal"*****. (Знаю, знаю: — "Но у меня не *mon mal*, а вообще — *mal*, весьма даже достоверное", — *погодите*.) Ему всю жизнь не-моглось: ни жить, ни есть, ни спать, ни писать. Писанье было для него — мученье, терзанье. Он — от России до Египта — весь свет исколесил, ища места где может писать (мне это совершенно-чуждо, я бы скорей искала места, где *не* могу писать, но моя обязанность понять его — и Вас.) И не только места искал, — и срока. — *Здесь*, может быть, и *сейчас*, может быть, я напишу — *то...* Здоровому человеку — дико. Даже мне — дико. Мне — особенно-дико. Ибо, как я говорю о *столе*:

---

* Софи (фр.)

** Рене (фр.)

*** Рейнера (фр.)

**** и принял (фр.)

***** мой недуг, мое страдание (фр.)

Твердивший, что каждой строчки
Сегодня — последний срок...²

Но пусть — дико, пусть он — по-докторски — был здоров, — жил то он внутри себя, в том внутри, где докторá не бывают.

Из себя он выделил ряд — себя, ряд — я, которые неопределенно назвал и пустил по свету, чтобы хотя бы они — жили. Об одном из них — *mein Nachbar Ewald** — из его юношеской книги "*Geschichten vom lieben Gott*"** — хочу Вам сказать. Эвальд не мог ходить и всю жизнь сидел у окна, у которого иногда, проходя, останавливался Р<ильке>. И Р<ильке> Эвальду — завидовал. Он никуда и ни за чем не должен был идти, к нему всё само приходило, всё отовсюду само притекало. Он не знал отказа выбора, даже простого выбора на карте не знал: куда именно, ибо каждое место исключает все остальные. К нему приходили все места. Он не знал человеческой измены, ибо к нему приходил только тот, кому он был нужен. Он был — единственное недвижимое среди всего кружащегося, единственное пребывающее среди всего преходящего. Он был — дерево.

Резко-другое. У меня здесь есть друг — Миша.³ Всё, что он хочет от жизни — он, здоровый, на редкость — сильный (пришлось!), Ваш сверстник, постоянно какой-нибудь одной, а иногда и несколькими сразу — любимый, всё, что он хочет от жизни — трех свободных утренних часов для писания, и ради этого отдаст всё, вплоть до своей молодости. Уже — без них — отдает. (Работает на огороде, шофёрствует, прислуживает, но каждая свободная минута — столу.) Он, в распоряжении

---

* Мой сосед Эвальд (нем.)

** "Истории о Господе Боге" (нем.)

которого весь Париж, со всеми его сборищами, зрелищами, ночами, встречами — остается на зиму — здесь, со старыми, добрыми, мало-понимающими его родителями,⁴ и старым цусимским адмиралом, и еще с одним стариком: садовником — чтобы писать. Он сам выбрал Ваш затвор — и выбрал его на всю жизнь, ибо он никогда не женится — не нужно — "я и ребенка бы не хотел иметь, п<отому> ч<то> я его бы слишком любил. А ведь это мешает писать, — а, М.И?"

И, наконец — я, но то, что я имею Вам сказать о себе — не пишется, да с трудом и произносится — *когда-нибудь* (любимое наше с вами слово). Но, пока, в кредит, поверьте, что моя жизнь была и есть не легче Вашей, и *mon mal* — ещё неизлечимей Вашего.

... Мой друг, что Вы называете жизнью? Сиденье по кафэ с неровнями: с бронированными, тогда как Вы — ободранный (без кожи). Ибо — на сколько? бессонных ночей — одна стоящая — чтобы ее не-спать? Хождение по литературным собраниям — и политическим (поэтическим? — С.К.) собраниям — и выставкам — что-то основное, видно, забываю.

Вспомните *le petit Marsel*,* в последний 12-тый час опомнившегося и изъявшего себя из "жизни" и закупорившего себя в пробку⁵ — чтобы сделать дело своей жизни. В агонии жалевшего, что не может написать ещё-раз смерть Берготта, п<отому> ч<то> теперь знает — как умирают.⁶

— Да, но он до того — жил. Но Вы — тоже жили. У Вас было Ваше детство, и юность, и столько, наверное, кроме — жили и Вы. Лермонтов в Вашем возрасте умер, Вы ведь не скажете, что он — не жил?

Бог Вам дал великий покой затвора, сам расчистил Вашу

---

* малыш Марсель (фр.)

дорогу от суеты, оставив только насущное: природу, одиночество, творчество, мысль.

Знаю, больно. И 27 летний Бетховен, не могший не знать своей избранности, в своем Heiligenstädt — Testament* (начало глухоты) возопил: — Schon in seinem 28 Lebensjahre verurteilt dem Leben zu entsagen — das ist hart. Für den Künstler-hörter, denn für irgend jemand."⁷ Но — говорю очень издалека — не думайте, что люди Вас забывают, потому-что Вас нет на глазах. Забыли бы — и на глазах, и на груди — потому-что не умеют дружить, не умеют любить, п<отому> ч<то> есть другие — новые — п<отому> ч<то> нужна смена — п<отому> ч<то> Вы сами любите — п<отому> ч<то> Вы всегда больше любите — п<отому> ч<то> Вы der Liebende,** а не — любимый⁸ — потому- что Вы — поэт, а они — нет. (Schubert — Heine — Hölderlin — Beethoven*** — кто их любил?!) И Вы бы там — за стойками и столиками — без туберкулёза сгорали бы — и сгорели бы — в недостойном пожаре: на Lustfeuer их увеселений.

Нé на что рассчитывать, кроме чуда. (Кстати — проверила — чудо в тех стихах совсем не плохо: несоизмеримо лучше и счастья и веры. Но — дальше:) А чудо так же — и даже легче может придти за Вами — в горы, чем — в город: просто — на повороте горной дороги. Та́к Вы его, по крайней мере, разглядите.

Конечно, горько — насильно быть спасенным. И кому, как не мне — это знать! Иногда — живого́ жизненного жара хочется больше чем воды — когда ее хочется. Найду об этом

---

* Гейлигенштадтское завещание (нем.)

** любящий (нем.)

*** Шуберт — Гейне — Гельдерлин — Бетховен (нем.)

Вам дóма стихи — и ради Вас — для Вас — за Вас их dokonчу. (Мне было столько же лет, как Вам.) Я всё знаю, и если до сих пор своей души не продала за этот живой жар, то только потому, что эта продажа, эта придача — никому не была нужна. Я со своей бессмертной душой — Бог знает что делала, и на такие — свои же — утешения — зубами скрежетала, но где верх, где низ, где Бог, где Jdol,* где я́ — где нé я — я всегда знала. Думаю, что главная и тайная жажда Вашего существа — отродясь: не быть. Потому-то Вы так и противитесь "нежизни", так хватаетесь за "жизнь", что это — быстрый конец: Вам, Вашей душе, Вашей прирожденной, от всего, муке: — спать.

Вы, как настоящий Романтик (определение — не моё:) живете *последними* вещами, тогда как нужно (якобы) жить — предпоследними. А Вы — 60 той секундой 60 той минуты 12-го часа. Как Вам (ежедневно) жить с людьми? Тáк можно жить только со своей душой (внутри души) — или с себе равными. Подите — найдите их. Искать среди поэтов — но, поэты, увы — *среда*, и настоящий поэт среди поэтов так же редок, как человек среди людей. Если иного хватает на стихи, то на жизнь — не хватает. Пишут люди из *последних сил*: из *последних* запасов — тратят. Проверьте на Ваших друзьях — поэтах. Георгий Иванов — Новалис? Поплавский — Clemens Brentano?*** Нет, то время прошло, мы были и нас — нет. (Пишу Вам сейчас тоже из последних сил, разрываясь от головной боли, но знаю, что потом, м<ожет> б<ыть>, этих слов не найду, сейчас Вы сами себя во мне пишете, как стих.) Простите за правду — желаю, чтоб не сбылась.

---

* кумир (нем.)

** Клеменс Брентано (нем.)

Итак — терпите. Живите у себя auf der Höhe (как я: — in der Höhle)*

(Две строки неразборчивы — С.К.)

Но есть ещё одно: Вы же с *людьми*, да ещё с больными — любите их. Не все [ведь] — счастливые и любимые. Это — тоже занятие. Вы скажете: им я не нужен, — ну, м<ожет> б<ыть> не Вы (весь) нужны — а Ваша рука, улыбка, привет, просто — взгляд. Это страшно держит на поверхности жизни. Больные — ведь *все* дети, *все* — невинные, и тут уж никакого греха (одно слово неразборчиво — С.К.) и т.д. — нет, они — *все* неимущие. Помню, когда Мура оперировали — я полюбила *всю* его палату, и на третий день приходила уже ко всем, п<отому> ч<то> мне было бы стыдно делить на своего и не-своих, п<отому> ч<то> этого деления во мне — не было, п<отому> ч<то> *меня* вообще не было, я ее оставляла за порогом и часто — за порогом — не находила. И мое горе было, увозя Мура, что я *не могу* больше к ним ходить — на следующий день увозила его на Юг в train de vacances.** Конечно, будучи больным, м<ожет> б<ыть> трудно их любить, п<отому> ч<то> [нет воли] здоровья, тогда вспомните, что Бог Вам дал — душу *живу*, тогда как им — только больные тела.

О роде Вашего поэтического дара — в другой раз. Пока же — скажу: у Вас *аскетический* дар. Служебный. Затворнический.

Бог Вам дал *дар* и — к нему — *затвор*.

— Мой друг, письмо из Аннемасса, только-что. Вот —

---

* на вершине [...] в пещере (нем.)

** каникулярный поезд (фр.)

отрывки: "... Ваше сообщение душевно нас порадовало и ждем Вас с глубокоюуважаемой М.И. у нас, в наступающее воскресенье 13го сентября — к часу — обязательно к обеду — простому деревенскому — но от всей души. ... Прилагаю маршрут: правда, он уступает по точности и по количеству стрелок и крестиков тому, к<отор>ым снабжал М.И. Андрей Белый, поджидая ее в Цоссене¹⁰ ... (Подробный внимательный старческий маршрут)

... Сегодня же напишу моему старому другу 30 летней давности Вл. Вл. Муравьеву-Апостолу, и завтра повидаю Федора Степановича Гонч-Оглуева¹¹ (NB! совершенный Гоголь). Словом, вопрос будет двинут.

Разумеется, перспектива для пушкинского Комитета весьма соблазнительная, несмотря на то, что в Феврале М.И. уже законтрактована."

(NB! оцените деликатность и хитроумие моей приятельницы: я, не зная, что Вы в ноябре будете в П<ариже> и стрóя на Вашем цело-зимнем Leysin'e, сразу сказала ей, что хорошо бы — еще в 1936 г., чтобы мне не покупать нового загр<аничного> паспорта — а она дело изложила — тák, чем, конечно, повысила мою, для швейцарцев, стóимость.)

— Словом, дружочек, завтра еду к тому господину на целый день — и совсем не знаю, чтó ему говорить — до того запуталась с нашими aller-et-retour'ами* (голова болит с тех пор, т.е. второй день, и именно от этого: я совсем не умею жить). А не лучше ли действительно — в феврале, на пушкинское поминание, а Вы — в Париж — в ноябре. П<отому> ч<то> тогда у нас будет перспектива — ещё-встречи, и промежуток уж не такой большой — 2, 2 1/2 месяца. Как жаль, что я так сразу в Ваш сплошной зимний Leysin поверила, но м<ожет> б<ыть> еще исправимо?

Словом, ждите точного отчета. Постараюсь завтра окончательно не связываться. Умоляю ответить мне что-

---

* туда-сюда (фр.)

н<ибудь> разумное, здраво-смысленное, совершенно со стороны — если вместе. (Я — не.)

Устала — и давно уже нет папирос — сосу пустую соску мундштука, удивляясь, что ни-че-го. Я уже недели 2 как ничего не делаю, ибо когда я Вам письма не пишу — я его думаю. Но это скоро кончится, п<отому> ч<то> скоро — домой, а дома проснется — совесть — и здравый смысл: что́ я буду читать на пушкинских вечерах? *Весь мой расчет (для Бельгии и Швейцарии) на прозу: Мой Пушкин.*¹² А ее и первой строки нет. Мне нужно будет временно из нас выключиться. Но это — потом. Пока я здесь — будет так.

Обнимаю Вас

МЦ

Примечания:

- 1 Рене — имя, которое было дано Рильке при крещении (см. книгу мужа дочери Рильке: Carl Sieber. Rene Rilke. Die Jugend Reiner Maria Rilke. Leipzig, 1932). Ср. также "...татап хотелось, чтобы я был девочкой, а не тем мальчиком, каким все-таки стал <...> каким-то образом я об этом проведал и взял себе за обычай стучать в дверь татап. Иногда она спрашивала, кто там, и я с восторгом отзывался: Софи. <...> Иногда я входил в почти девчачьем домашнем платье с вечно засученными рукавами. Я уже был Софи." (Р.М.Рильке. "Записки Мальте Лауридса Бригге". М., 1988, с.81). Именем Райнер Рильке стал подписывать свои письма летом 1897 г.
- 2 Строки из 2-го стихотворного цикла "Стол" ("Тридцатая годовщина").
- 3 О М.М.Штранге см. прим. 3 к "Моей Женеве", а также к письму от 7 сент.
- 4 О Михаиле Николаевиче Штранге и об Эмме Мельхиоровне Штранге см. прим. 7, 8 к "Моей Женеве".
- 5 Речь идет о Марселе Прусте (1871-1922). Многие мемуаристы упоминают о том, что в светских салонах, завсегдаем которых был молодой Пруст, его называли "Le petit Marcel" (Мальш Марсель). В последние годы жизни писатель стал затворником и почти не покидал своей комнаты, стены и потолок которой были обиты пробковыми панно.
- 6 Смерть писателя Берггота описана в книге Пруста "Пленница" (из цикла романов "В поисках утраченного времени"), вышедшей в свет в 1923г. после смерти автора.

Гейлигенштадтским завещанием обычно называют письмо Бетховена с пометой: "Прочеть и привести в исполнение после моей смерти", написанное им в городке Гейлигенштадте 6 окт. 1802г. Цветаева не совсем точно цитирует это письмо. У Бетховена: "...schon in meinem 28 jahre gezwungen Philosoph zu werden, es ist nicht leicht, für den Künstler schwerer als irgend jemand..." (Уже в мои 28 лет я принужден стать философом, что не так-то легко, а для художника еще труднее, чем для всякого другого.)

К этой теме Цветаева постоянно возвращается. Так, в письме к А.Бахраху от 10 января 1924 г. она пишет: "Я сама — *любящий* ... В любви есть, мой друг, *любимые* и *любящие*." (Письма к А.Бахраху. Новый Журнал. Нью-Йорк. 1990. Кн. 180, с. 132-133.) В письме к А.Тесковой от 9 сентября 1928 г.: "Я — *die Liebende*, nicht — *die Geliebte*." (Письма к Анне Тесковой. СПб, 1991, с 55). К.Азадовский подробно анализирует эту тему у Цветаевой и Рильке в коммент. к книге "Небесная арка. Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке". СПб., 1992, с. 326-328.

Сопоставление немецких писателей-романтиков 19 века: Новалиса (1772-1801) и Клеменса Брентано (1778-1842) с современными писателями русского зарубежья Георгием Владимировичем Ивановым (см. примечания к письму от 7 сентября) и Борисом Юлиановичем Поплавским (1903-1936) (см. о нем на стр. 141 настоящего издания).

О поездке к А.Белому в Цоссен Цветаева рассказала в очерке "Пленный дух", который был впервые опубликован в "Совр. Записках", в 1934, № 55.

Владимир Владимирович Муравьев-Апостол был президентом, а Федор Степанович Гонч-Оглуев — казначеем Международного Пушкинского комитета в Женеве.

Очерк "Мой Пушкин" Цветаева заканчивала и переписывала в первых числах января 1937г. См. об этом в письме В.Н.Буниной от 2 янв. 1937г. и в написанном в тот же день письме А.Тесковой.

Château d'Arcine, 12¹⁹ сентября 1936г., суббота (вчера — ошиблась)

...У меня так мало дней осталось — Ваших: почти ничего — и из этого ничего еще весь завтрашний день уйдет на того гоголевского — и даже державинского — старика.¹ (А нынче жена написала — отдельно — подтвердить приглашение.) До отъезда постараюсь успеть переписать Вам всё из моей с.пьерской "хроники", не вошедшее в письма и Вам по праву принадлежащее. И, хотя Вы ничем не отозвались на стихи, переписать и отослать Вам другие.

Но боюсь — так, как всё это время, мне уже отсюда Вам не́ будет писаться — п<отому> ч<то> нынче наконец решила, и вслух объявила — дату, и уже всё считаное.

Вчера я поднялась на 1600 метров высоты т.е. на 1100 от С.Пьера и оттуда ещё раз прощалась с Вами. Вообще, эти дни будут — сплошная растрava. *Теперь* Вы м<ожет> б<ыть> понимаете мой — как будто бы гадательный и даже ошибочный — стих:

Терзание! Ни берегов, ни вех...
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись,
Что я в тебе утрачиваю — всех,
Когда-либо и где-либо *небывших*²

т.е. всех, когда-либо и где-либо *отсутствовавших* в моей жизни, и ещё: всех, когда-либо и где-либо мне (и всей лирической поэзии) — *приснившихся*.

...Есть однородное в моем вчерашнем с Вами, с горы, прощании — по всем одиноким домам, и колокольням, и зубцам — где нас с вами *не было*.

Никогда нигде нам с вами уже не будет *так*... (и вот,

честное слово, не знаю слова как: было бы? или: было? — здесь).

Но писать буду каждый последний день.

М.

Примечания:

1 Т.е. В.М.Фелькнера.

2 Автоцитата из стих. 1923г. "Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды..." (Цикл "Провода").

Château d'Arcine, 14го сентября 1936г., понедельник

Дружочек! В *феврале* — либо 11го, либо 15го — с моим французским Пушкиным. Ноябрь — сам отпал, ибо для моего выступления в ноябре понадобилось бы 1) кому-то уступить мне место, 2) м<ожет> б<ыть> мне самой оплатить 1/2 дороги, ибо данный комитет — нищ, а есть другой какой-то, с крупнейшими швейцарскими писателями и филологами во главе — и тот способен на *всю* дорогу. Но тот — только в *феврале*. (Просто: первый — русский, второй — швейцарский.¹⁾)

Что́ это был за день, за визит, за комната! Начав с последней: ни приметы обой, ни приметы стен: сплошь *лица*: от эмигрантской певицы в боярском кокошнике до родственного Суворова (жена Фелькнера — потóмица Суворова²⁾), весь XIX в. в родственных и неродственных лицах и Widmungen* — на всех языках — четыре стены знаменитостей. А хозяин — не державинских, а Александра III-го времен, с лица — немецкий

---

* посвящения (нем.)

пастор — кудри, голубые глаза — в прошлом *attachè financier et commercial*,*³ в настоящем — член всех существующих (и существовать перестояющих) комитетов, а по призванию — оратор: непрерывный. Что ни фраза — то комитет, и он его активный член, и он приветствовал X, и подносил адрес Y, и отвечал на приветствие Z, и на всех на них возлагал венки. Из имен (м<ожет> б<ыть> Вам что-<нибудь> скажут) запомнила: Robert Traz и Chenevière(?) и Bernar Bouvier и Ziegler**⁴ — больше не смогла: пока учила наизусть эти — проскочили все остальные.

Реально: за 5 дней уже 4 письма его к лицам и 4 — лиц к нему, читал и показывал — отношение к моему приезду самое благоприятное, но пока речь только о Женеве, — а мне нужен Берн — как его добьюсь — не знаю — надеюсь — тогда до Вас близко — либо Вы сами спуститесь на день в Берн — на целый весь наш день. Я к Вам в [Шве]йцарию приеду на Пушкине (на — *Бесах*.)

(Нрзб. 1 сл.)! оказывается он был в Варшаве слушателем моего дяди — историка — Д.В.Цветаева,⁵ и безумно умилился тому, что я его племянница — и стал вспоминать Варшаву — и как нас ненавидели поляки — и как ни один польский студент ни копейки не дал на похороны русского (NB! насильного) профессора Барсова⁶ (?), и как мой дядя шел за гробом Барсова, а студенты обоим грозили кулаками — мой дядя, после Варшавы, был один из самых видных черносотенцев Москвы — Союз Русского Народа — очень добрый человек — иначе как *жид* не говорил. У него я, девочкой, встречала весь цвет черной сотни. Но — *passons* — а то я — в роли

---

* финансовый и коммерческий атташе (фр.)

** Роберт Траз, Шеневьер, Бернар Бувье, Циглер (фр.)

Фелькнера.

Предок Фелькнера 200 л<ет> назад пришел из Саксонии в Россию с уставом Горного Института, который Анна Иоанновна и утвердила. В честь его — минерал на Урале: фелькнерит⁷ ("в витрине — если большевики не разбили" NB! — и витрины и минерала.)

...И бывший секретарь незабвенной Марии Гавриловны Савиной.⁸ (— "Ваш секретарь? Это больше, чем статс-секретарь!") И сводил Художественный Театр с немцами. И устроил ввоз в Россию тела Чехова.⁹ ("Мы с Ольгой Леонардовной¹⁰ ехали в ландо и она *та́к была рада*"... (??)

Я сжимала и разжимала руку на ручке кресла и старалась не глядеть на всё, что на меня глядело (желтыми фотографическими глазами) с четырех стен его чиновно-артистического прошлого.

Несколько раз у меня был соблазн спросить о Вашем отце, которого он не может не знать (знает всю прошлую чиновную и артистическую Россию + всю нынешнюю русскую и нерусскую Швейцарию) — но каждый раз удерживалась — из *сложных* чувств, одно из которых — словами: — Я не хочу, чтобы среди этого потока равнодушных мне имен было произнесено *Ваше* имя — ради которого я этот поток имен и лиц — на себя и приняла, которым (непроизнесенным) его и *вызвала*.

Ибо знайте одно: *мне* Швейцария *не* нужна: мне нужна Ваша радость — (**врзб**) своя нужность — Вам, мне нужен *наш* день (по возможности — два — по невоз[можности] (**врзб**) И только ради этого — все эти комитеты, комиссии, и *express'ы* (NB! у меня уже есть свое *dossier*: глазами видела!) — и даже моего Пушкина, т.е. впервые настоящего Пушкина по

французски — швейцарцы услышат — из за Вас.

Итак, нуждаетесь во мне и радуйтесь мне до февраля.

Иногда, когда уж совсем нестерпимо становилось — слушать и вообразать (у меня роковой дар — тут же — глазами — видеть — всё) — все эти безразличные вещи ("Лига Наций", "председатель", "вице-председатель", Вильгельм, надевающий брошку Савиной¹¹ — и вдруг — Савинков,¹² Кн. Львов,¹³ 19 г., зеленый стол, Париж — и вдруг Сэр Х, а за ним Литвинов,¹⁴ и только за ним — какой-то поляк) я вдруг мысленно ставила перед собой Ваше лицо — которое так мало знаю, в которое *никогда* не глядела — (но я знала: Ваше!) — и *словами* говорила себе:

— Ничего. Только так достают — сокровище.

И мне самой смешно и радостно, что всё это (до февраля *не меньше 60ти* писем: людей друг другу, их — мне, моих — им) из-за человека, которого я не знаю, лица которого не помню и который мне, очевидно, дороже дорогого.

...Обстановка нищая. 2 комн<аты> — 5 человек. Жалобная мебель. Жалобный (наш, ванвский — наизустный) обед. Сердечность.

...А поток — *покойников!* (Ф<елькне>ру minimum 70 лет). — "Когда я хоронил такого-то... Мой 45 летний приятель, к<оторо>го я на-днях хоронил... — Когда мы с вами (обращ<ается> к моей спутнице) хоронили милейшего Григория Иваныча"... и т.д.

После обеда я читала свои переводы — Пророка — Чуму — К няне — Для берегов отчизны дальней¹⁵ — и, конечно, *победа* (я *знаю*, что во всем *мире* никто так не может) — но особенно поняли и отозвались, как всегда, — женщины, даже 14 летняя

швейцарочка, даже парализованная 75 летняя тетушка, — не он, он с трудом слушал, на-глазах разрываясь от накопившихся очередных покойников и комитетов, стерегших щель его рта — проскочить и затопить. У него были *свои* няни, свои дальние отчизны, — и он сам был ПРОРОК и ЧУМА.

Жара была дó бела, дó синя.

Чуть-было не опоздали на поезд (они живут за Аннемассом, на пустыре) галопировали всем семейством по всему воскресному удивленному городу, и он под галоп успел рассказать свою встречу с Милюковым,¹⁶ а кстати и с Платоновым¹⁷ — а поезд явно уходил, а до следующего — 2 часов (комиссий и мертвецов!) — но поезд не ушел, и мы из последнего дыхания в него сели, и минуты три сидели — дама и я (NB! нынче она совсем больна, а я — совершенно здорова) дыша — широко как рыбы и громко как моржи.

Итак, мой родной, без нас решено — февраль. Жаль, что не будет совместного поезда (уносящего *третьего!*) я бы дорого дала (такие вещи живут сослагательным наклоном!) за несколько часов поезда с Вами, но м<ожет> б<ыть> к лучшему, и м<ожет> б<ыть> эти часы когда-нибудь всё-таки будут. Мне с Швейцарией — из-за Вас — необходимо связаться: необходимо, чтоб меня там *полюбили* — и полюбят.

Видите — вот и вышло письмо *навстречу*: сначала — ноябрю, потом — февралю.

Я отсюда уезжаю 17го, в четверг, в 11 ч. 23 мин. утра.

С 15го пишите мне уже на Vanves:

65, Rue J.B.Potin

Vanves (Seine)

без себя и адр<еса> на обороте, я их з^{наю}, и — как мне сейчас кажется — никогда уже не забуду.

Прилагаемый листочек прошу прочесть *не сразу*, а — вечером — да? Перед сном.

МЦ

Примечания:

- 1 См. прим. 11 к письму от 12 сент. 1936г.
- 2 Вера Андреевна Петкович (в замужестве Фелькнер) была пра-правнучкой сына А.В.Суворова — Аркадия.
- 3 В.М.Фелькнер с 1912г. был коммерческим и финансовым атташе в Берлине, Франкфурте-на-Майне, а затем в Берне.
- 4 Писатели Робер Траз и Жак Шеневьер, профессора Бернар Бувье и Циглер были членами Международного Пушкинского комитета в Женеве.
- 5 Дмитрий Владимирович Цветаев (1852-1920) был профессором русской истории в Варшавском университете в 1873-1889г.г.
- 6 Николай Павлович Барсов (1839-1889), русский историк, специалист по исторической географии, профессор Варшавского университета.
- 7 Горный институт был учрежден в Санкт-Петербурге в 1773г. в царствование Екатерины II. В известной нам литературе не отражена роль предка Фелькнера в разработке его устава. В каталоге отдела минералогии горного института действительно числится минерал под названием "фелькнорит", однако в честь какого именно Фелькнера он так назван неизвестно: эта семья дала России целый ряд крупных горных инженеров.
- 8 В театральном музее им.А.А.Бахрушина в фонде артистки императорского Александринского театра М.Г.Савиной (1854-1915) сохранилась ее записка 1912г.: "Моему личному секретарю Владимиру Михайловичу Фелькнеру".
- 9 Сведения об этом в литературе и архивных материалах нами не обнаружены.
- 10 В фонде О.Л.Книппер-Чеховой (1868-1959) в музее Художественного театра имеется визитная карточка В.М.Фелькнера.
- 11 Во время берлинских гастролей Александринского театра (1899г.) император Вильгельм II вручил актрисе браслет, осыпанный рубинами, с бриллиантовым орлом. (см. "Русские сценические деятели за границей", СПб, 1909, с.85)
- 12 Борис Викторович Савинков (1879-1925) — один из руководителей боевой эсеровской организации; во Временном правительстве — управляющий военным министерством; руководитель ряда восстаний против Советской власти, эмигрант; в 1924г. при переходе через советскую границу был арестован, и по официальной версии покончил жизнь самоубийством.

- 13 Князь Георгий Евгеньевич Львов (1861-1921) — крупный помещик. Депутат 1-ой Гос.Думы. В марте-июле 1917г. — глава Временного правительства. В 1918-20г.г. — в эмиграции возглавил "Политическое совещание" в Париже.
- 14 Максим Максимович Литвинов (1876-1951) — советский государственный партийный деятель. В 1930-39г.г. — нарком иностранных дел СССР.
- 15 О своих готовых переводах на французский пушкинского "Пророка" и "Гимна Чуме" из "Пира во время чумы" Цветаева пишет А.Берг 13 июня 1936г. о переводе стих. "Для берегов отчизны дальней" — к ней же 28 июня. В письме А.Тесковой от 10 июля 1936г. она добавляет, что перевела также стих. "К няне".
- 16 Павел Николаевич Милоков (1859-1943) — политический деятель, историк, публицист, лидер партии кадетов. В 1917г. — министр иностранных дел Временного правительства. В эмиграции — с 1920г. главный редактор газеты "Последние новости".
- 17 Трудно сказать, какого именно Платонова упоминал Фелькнер. Не исключена возможность, что он имел в виду русского историка, профессора Петербургского университета Сергея Федоровича Платонова (1860-1933), в советское время — академика, директора Пушкинского Дома института русской литературы АН СССР, возглавившего комиссию по изданию сочинений А.С.Пушкина. Монархист по убеждениям, он был сослан в Самару, где и умер.

Château d'Arcine, 15го сентября 1936г. — вторник — чердак — под шум потока

...Я вовсе не считаю Вас забытым, заброшенным и т.д. Я убеждена, что Ваши родители, и сестра, и друзья — Вас — по своему — как умеют — любят.

Но вы хотите, чтобы Вас любили не по своему, а по Вашему, не как умеют — а как *не* умеют: Вы хотите, чтобы все Вас любили — как Вас люблю — я.

И если Ваша мать *сейчас*, как я нынче в 5 ч утра, не просыпается от *ожога*: с такими легкими навряд ли можно

танцовать, это не значит, что она Вас мало любит, это значит, что sie denkt Sie* не так подробно, как я — м<ожет> б<ыть> и потому ещё, что она Вас знает больным — 10 лет, а болезненным — и все 26, я же впервые и одновременно узнаю, что у меня где-то — сын — и что этот сын — больной, и не могу не потрястись этим всей своей привычкой ко всему исключительно-здоровому — и даже как бы несокрушимому — от меня исходящему.

То же самое, как если бы обо мне сказали, что у меня *больные стихи*.

Встречи с Вами я жду не как встречи с незнакомым, а как встречи с сыном — не только заведомо-родным, но мною рожденным, и которого у меня в детстве, в моем и его сне, отняли. Встречи с Вами я жду как Стефания Баденская встречи с тем, кто для людей был и остался Гаспаром Гаузером, и только для некоторых (и для *всех поэтов*) — ее сыном: через сложное родство — почти-что Наполеонидом.¹

— О чтении. Давно хочу. *Живете в книгах?* — Не о стихах говорю: Вы — поэт. Потребность? Вторая жизнь? Развлечение?

Способны на трудное (*и физически-трудное*.)

Ибо — раньше, чем не узнаю Вашего отношения к книгам — не могу прислать Вам на прочтение — ни одной любимой, а сколько их у меня. (Не даю — *никому*.)

Wassermann'a** — знаете? Fall Maurizious*** — Etzel

---

* она думает Вас (нем.)

** Вассерман (нем.)

*** случай Маурициуса (нем.)

Andergast* — Kaspar Hauser?***² Немецкий — знаете?

Итак, отнеситесь так же серьезно, как к вопросу о ходьбе, на который так хорошо ответили — пожалуйста, себя — чтеца. Ибо до ноября — 1 1/2, 2 месяца, сможете прочесть ряд чудных немецких (да и французских) книг. — Или хотя бы одну. — Пруста³ знаете (всего)? Vigni — Journal d'un Poète****⁴ — ? Ведь у Вас — пласты времени, Вы же не целый день пишете. (Что́ Вы целый день делаете?) — Не бойтесь: не завалю: только одну зараз. И с непременным условием (мое первое Вам, кажется) — никому из рук, так и говорите: прислана на самый короткий срок, отсылаю обратно. Ибо — и это мое единственное чувство собственности — книга не должна ходить по рукам, уж лучше — автор! Если Вы ничего не знаете о Kaspar Hauser'e и мне *верите*, пришлю Вам его тотчас же по возвращении в Ванв — с тем, чтобы Вы мне его либо прислали, либо привезли. Это мой любимый немецкий современник (недавно умер от разрыва сердца, а до него — вскоре после Р<ильке> — большой австрийский поэт Hugo von Hoffmannsthal****⁵ — выстрелил в себя после смерти единственного сына. Я думаю — в нестерпимую боль выстрелил — чтобы кончилась.)

Wassermann *очень* большой писатель, Ва́шей породы — страдальческой. И герой — Вашей породы, — и *конец* *обоих* — одна из самых больших человеческих, общественных и исторических *низостей*.

---

* Этцель Андергаст (нем.)

** Каспар Хаузер (нем.)

*** Виньи — Дневник поэта (фр.)

**** Гуго фон Гофмансталь (нем.)

Тогда-же, после почты:

— Ничего. Это похоже на мою жизнь. Постоянно-повторяющаяся случайность есть судьба. Но, по крайней мере, Вы этим освобождаете меня и от Цюриха и от Берна, а в Женеву — недолго, и в конце концов — почему швейцарцам не узнать настоящего Пушкина?

О Вашем Париже — жалею. Там — сгорите. Париж, после Праги, худший город по туберкулёзу — в нем заболевают и здоровые — а больные в нем умирают — Вы это знаете.

Ницца для туберкулёза — после гор — вредна. Жара — вредна. Раньше, леча ею — убивали. Так убили и мою мать, но может-быть она счастливее, что тогда — умерла.

Может-быть Вы — внутри — больнее, чем я думала и верила — хотела видеть и верить? Ибо ждать от *Адамовича*⁶ откровения в третьем часу утра — кем же и чем же нужно быть? До чего — не быть!

Если Вы — поэтический Монпарнас⁷ — зачем я Вам? От видения Вас среди — да всё равно среди кого — я — отвращаюсь. Но и это — ничего: чем меньше нужна Вам буду — я (а я не нужна — когда нужно такое: Монпарнас меня исключает) тем меньше нужны мне будете — Вы, у меня иначе не бывает и не может быть: даже с собственными детьми: так случилось с Алей — и невозвратно. Она без меня блистательно обошлась — и этим выбрала — и выбыла. И только жалость осталась (на всякий случай) — и помощь (во всяком) — и добрые пожелания.

Без меня — не значит без присутствия, значит — без присутствия меня — в себе. А я — это прежде всего —

уединение. Человек от себя бегущий — от *меня* бежит. Ко мне же идущий — к себе идет: за собой — как за кладом: *внутри себя*: *внутри себя* — земли, и себя — моря, и себя — крови, и себя — души.

Поскольку я умиляюсь и распинаюсь перед физической немощью — постольку пренебрегаю — духовной. "Нищие духом" не для меня. ("А разве Вас не трогает, что человек говорит одно, а делает другое, что презирает даже дантовскую любовь к Беатриче, а сам влюбляется в первую встречную, — разве Вам от этого не *тепло*?" — мне — когда-то — в берлинском кафе — Эренбург. И я, холоднее звезд: — Н Е Т .⁹)

И Вам — нет. На всё, что в Вас будет немощь — нет. Руку помощи — да, созерцать Вас в ничтожестве — нет. Я этого просто не съумею: ноги сами вынесут — как всегда выносили из всех ложных — не-моих — положений:

Und dort bin ich gelogen — wo ich gebogen bin.*¹⁰

Я не идолопоклонник, я только визионер.

МЦ

Приписка снизу:

Спасибо за Рарон.**¹¹ Спасибо за целое лето. Спасибо за правду.

Behüt dich Gott! — es wär zu schön gewesen —

Behüt dich Gott! — es hat nicht sollen sein.***¹²

---

* "Ибо где я согнут — я согнан" (Перев. М.Цветаевой)

** Рарон (фр.)

*** Храни тебя Бог, это было слишком прекрасно!

Храни тебя Бог, этому не суждено было быть.

(Перев. М.Цветаевой)

Приписка сбоку:

À рождение мое — 26го русск. сентября — (9 Окт. по новому) день Иоанна Богослова — с субботы на воскресенье — полночь.

Примечания:

- 1 Гаспар Гаузер или Каспар Хаузер (1812-1833) — загадочный юноша, появившийся в 1828г. в Нюрнберге: он почти не умел говорить, ничего не знал о своем происхождении, т.к. всю свою сознательную жизнь провел в одиночном заключении. Существовала версия, что он — похищенный сын Стефании Богарнез Наполеон, приемной дочери Наполеона Бонапарта, жены Великого герцога Баденского Карла-Людвига-Фридриха.
В черновике письма историку Октаву Обри, автору книги о Гаспаре Гаузере, Цветаева в 1935г. писала: "...И герцог Рейхштадтский, и Гаспар Хаузер — это один и тот-же вечный королевский сын, наследник без наследства..." (цит. по статье Жоржа Нива "Миф об Орленке" (пер. с фр. И.Шафаренко) "Звезда", 1992, №10, с.142).
- 2 Речь идет о немецком писателе Якобе Вассермане (1873-1934) и его романах "Дело Маурициуса" (1928), "Этцель Авдергаст" (1931) и "Каспар Гаузер" (1908).
- 3 См. о Марселе Прусте в письме от 12 сент.
- 4 Речь идет о посмертном издании "Дневника поэта" (1867) французского писателя Альфреда де Виньи (1797-1863). По свидетельству дочери Цветаева любила также книгу де Виньи о судьбах поэтов "Стелло или Голубые бесы" (Ариадна Эфрон. О Марине Цветаевой. М., 1989, с. 367).
- 5 Гуго фон Гофмансталь (1874-1929) — австрийский писатель, поэт, прозаик, драматург.
- 6 Георгий Викторович Адамович (1894-1972) — поэт и один из наиболее влиятельных критиков первой волны русской эмиграции. Свое отрицательное отношение к нему как критику и поэту М.Цветаева выразила в статье "Поэт о критике" (журн. "Благонамеренный", Брюссель, 1926, № 2). Адамович в свою очередь неоднократно декларировал "несочувствие Цветаевой — литератору", "полную, глубокую и бесповоротную... неприемлемость ее творчества". (Г.Адамович "Литературные беседы", "Звено", 1927, 2, 1 авг., с.68-69).

- 7 Монпарнас — район Парижа, где расположен ряд кафе, в которых постоянно собирались писатели и художники.
- 8 В эти годы у молодой Ариадны Сергеевны появилась своя жизнь, свой круг общения и Марине Ивановне показалось, что дочь без нее "блистательно обошлась".
- 9 В кафе "Прагердиле" Цветаева бывала весной 1922 г., когда, приехав в Берлин, она остановилась в пансионе на Прагерплац, где жили Эренбурги. Это кафе А.Эфрон в "Страницах былого" называет "неким скромным провозвестником всех будущих Монпарнасов эмиграции". О причинах своего расхождения с Эренбургом Цветаева пишет: "Он требовал <...> каких-то противоестественных сложностей, в которых бы я плыла как в реке: много людей, все в молчании, все на глазах, перекрестные любви (ни одной настоящей!) — все в "Prager-Diele", все шуточно..." (Цит. по кн. Марина Цветаева. Об искусстве. М., 1991, с.389).
- 10 Неточная цитата из 1-ой части книги Рильке "Часослов" — "О монашеской жизни". Первое слово строки "Denn" Цветаевой заменено соединительным союзом "Und".
- 11 Рарон — поселок в Швейцарии, где на местном кладбище похоронен Рильке.
- 12 Строки из поэмы поэта Йозефа фон Штеффеля (1826-1886) "Зекингенский трубач".

18 Сент. 36

Какое счастье, что Вы не отложили отсылки стихов хотя бы на один день. Я бы их тогда наверное не получил. М н е т а к и е стихи...¹ Впрочем, все Ваши письма были как эти стихи.

Вчерашнее Ваше письмо...

Да, Вы можете быть, если захотите — "ледянее звезды". Я всегда этого боялся, (всегда знал эту Вашу способность) — и поэтому в первом же моем письме на 16 страницах — постарался Вам сказать о себе всё, ничем не приукрашиваясь, чтобы Вы сразу знали с кем имеете дело и чтобы Вас избавить от иллюзии и в будущем — от боли. Я предупреждал Вас, Марина, (в этом письме, правда, было сказано всё — и о "Монпарнассе" и даже о milieu*) — и в последующих *всех* письмах я всегда настаивал на том же самом.

Между моим этим письмом на 16 страницах и моим письмом последним — нет никакой разницы. Ни в тоне, ни в содержании, ни в искренности, — никакой.

Но зато какая разница в Ваших ответах на эти письма...

После первого Вы называли меня сыном, — после последнего Вы "оставляете меня в моем ничтожестве".

Объясняю это себе тем, что в моих письмах Вы читали лишь то, что хотели читать. Вы так сильны и богаты, что людей, которых Вы встречаете, Вы пересоздаете для себя по своему, а когда их подлинное, настоящее все же прорывается, — Вы поражаетесь ничтожеству тех, на ком

---

* среда, окружение (фр.)

Наша работа, что Вы не можете считать иначе, что бы не было дела и в то же время навязать не по чужим словам, но с их целью. Поэтому, вы сами можете быть сами отсюда.

Взгляните Вась писано.

Да вы не можете быть, если закончите, медленнее вводите. и была это была (как знает вы Вась специалист) - и потому в первую же неделю писано на 16 страниц. Постарайтесь Вась сказать о себе вы, потому не могу продолжать. Тогда вы сразу закончите работу писано это и тогда Вась медленнее это вы и в будущем. это дело в предыдущем Вась, Мажина. (в этом смысле, правда, было сказано вы - и в отношении и даже о себе) - и в отношении ваша писано и была поставлена на место не считая.

Меню, потому этого писано на 16 страниц. надо и такое писано... писано - потому вы... мой гражданин. Не в том, не в содержании, не в посредности, - писано.

Но зато какое гражданство в Васьме имбирной на том писано.

После первого вы назвали меня своим, - по это писано вы и оставлены мне в моем писано.

Объясните это себе, что в конце писано. тогда вы писано мне то, что в том писано вы тогда писано и богат, что писано. Потому что вы писано, вы писано для себя по Вась, а тогда писано писано, писано, вы писано, вы писано писано писано писано, но как писано писано писано писано писано, - потому что это писано писано писано писано, - потому что это писано писано писано писано. Но как писано, как вы, у вас, писано писано и потому - писано писано.

Меню вы не писано, а по Вась и писано, это писано, писано, - потому что писано вы писано и у вас, как, это писано писано писано, - для писано

только что лежал Ваш отблеск, — потому что он больше на них не лежит. Вы совершенно правы, конечно Вы "визионер". Но каково тем, кого Вы "увидите", посмотритесь и потом — перестаете видеть.

Меня Вы не полюбили, а по русски "пожалели", за мои болезни, одиночество, — хотя я и отбивался все время и уверял Вас, что мои немощи физические, — для меня второстепенное, что я жду от Вас помощи не от них, а от совсем другой и почти неизлечимой болезни.

Потому что, когда мне нужен врач, — я иду к врачу, когда мне нужны деньги — иду к моим швейцарцам, — к Вам же я шел, надеясь получить от Вас то, что ни врачи, ни швейцарцы мне дать не в состоянии. Вы же в ответ: — Да, Вы большее, чем я думала, — и сразу: — "холоднее звезды".

Марина, помните, как в одном из моих писем из Берна, я писал, что, боюсь причинить Вам боль, но боюсь также и боли, которую причинить мне можете Вы.

Потому что до "встречи" с Вами я, — не слова, — больше уже ни на что не надеялся и не хотел надеяться.

Вы обещали мне, что Вы мне никогда боли не сделаете, — не обвиняю Вас, что Вы не сдержали своего обещания: Вы, ведь, это обещали мне воображенному, а не такому, каков я есть.

"Чем же и кем же нужно быть", чтобы ждть откровений от Адамовича... Вспоминаю беспощаднейшую и остроумнейшую suggestion,* которую Вы прописали Адамовичу в Благонамеренном.² Но Адамович пишет ведь не только капризные критические статьи по газетам. Если вы читали его Комментарии в Числах и Совр<еменных> Зап<исках>,³ "Рамона

---

* отповедь (фр.)

Ортиса" в Числах,⁴ некоторые его стихи, то неужели Вы все же будете обвинять и Адамовича в ничтожестве...

Но этот спор бесполезен, я не хочу спорить с Вами, выискивать аргументы, чуть ли не "полемизировать", —

Вы меня благодарите за лето, — я благодарю Вас за чудо:

Behüt Dich Gott! es wär zu schön gewesen. —

Behüt Dich Gott! es hat nicht sollen sein.

(Вы пишете, что Аля "блистательно" обошлась без Вас. Я Алю знаю. Нет, не блистательно... Думаю, хотя мы с ней об этом никогда не говорили. Но кто Вас больше Али любит и понимает.)

Любящий Вас и благодарный

А.Ш.

Примечания:

- 1 Речь идет о посвященном А.Штейгеру цикле Цветаевой "Стихи сироте".
- 2 В жур. "Благонамеренный", Брюссель, 1926, №2 была помещена статья Цветаевой "Поэт о критике" с приложением выдержек из статей Г.В.Адамовича под названием "Цветник".
- 3 "Комментарии" — название, которое носили статьи и эссе Адамовича, публиковавшиеся в сб. "Числа", 1930, 1, 2-3; 1933, 7-8 и в жур. "Современные Записки", 1935, 58.
- 4 Рассказ Г.Адамовича "Рамон Ортис" был опубликован в сб. "Числа", 1931, 5.

30го сентября 1936 г., четверг

— Между первым моим письмом и последним нет никакой разницы...

— Да, но между Вашим первым письмом и последним была вся я к Вам — Вы скажете: два месяца! — но ведь это не людских два месяца, а моих, каждочасных, каждоминутных, со всем весом каждой минуты — и вообще не месяцы и не годы — а вся я. Вы же остались "мертвым" и — не хотящим воскреснуть. Это то меня и убило. В другом письме, неотосланном, я писала Вам о мертвом грузе нехотения, который, один из всех, не могу поднять.¹

Я обещала никогда Вам не сделать больно, но разве может быть *больно* от того, что человек *не может* тебя видеть *в ничтожестве*, что он для тебя хочет — самого большого и трудного, что он в тебя верит — вопреки очевидности, что он требует с тебя — как с себя. Поверьте, что если бы я Вас только жалела — Вы бы правды от меня *не* услышали: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы...

Но я приняла Вас за свое дитя, которое лучше пусть — плачет, только не тешится. *Только не тешится*. В моем последнем письме была вся настойчивость моей веры в Вас, оно, единственное из всех, было не любимому, а — равному (и только потому — суровое) — и может-быть *в нем* я Вас больше всего — любила. И *об этом* стих моих — тогда — 26 ти лет:

Бренные губы и бренные руки
Слепо разрушили вечность мою.

С вечной душою своею в разлуке —
Бренные губы и руки пою.
Рокот божественной Вечности — глуше.
Только порою, в предутренний час
С темного неба — таинственный глас:
— *Женщина! Вспомни бессмертную душу!*²

В этом письме я с Вас хотела — как с себя.

Поймите меня: Я Вам предлагала всю полноту родства, во всей ответственности этого слова. И получаю в ответ, что Вы — мертвый, и что единственное, что Вам нужно — дурман. Это был — удар в грудь, (в которой были — Вы), и если я не упала — то только потому что никакой *человеческой* силе меня уже не свалить, что *этого* людям надо мной уже не дано, что я и умру — стóя.

Друг, я совершенно лишена самолюбия, но есть вещи, которых я *не могу* перенести, напр<имер> — физически, на строке — себя и Адамовича вместе. Мой первый ответ: там, где нужен Адамович — ненужна я́, упразднена я́, возможен Адамович — невозможна я, — не потому-что мы поэты разной силы, я встану и становлюсь рядом с самым *бедным*, а перед некрасовским: Внимая ужасам войны — как встала на оба колена — так и осталась — но Адамович (и все ему подобные) — не бедный, и даже не нищий духом, а — *немошный* духом — и не хотящий мочь, и не верящий, что можно мочь — и не хотящий в это поверить — это уже не нѐмощь, а нѐхоть, т.е. самое безнадежное и неизлечимое, ибо не с чего начать, — и в таких руках видеть *мое чудо* — и знать, что из этих рук (даже не держащих! уже заведомо — выронивших!) не вырвать — потому-что другому в этих руках (*которых — нет*) — хорошо

— бесполезное — и унижительное — и развращающее страдание. Тут только одно — отойти.

...Конечно, есть больше. Есть материнское — через всё и вопреки всему. Есть старая французская баллада — о сердце матери, которое сын несет любимой, и которое, по дороге, споткнувшись — роняет, и которое:

— Et voila que le coeur lui dit:

— T'es-tu fait mal, mon petit?*

Но — идете ли Вы на это, хотите ли Вы так быть любимым: жаленным? Ибо, если Вы этого хотите от меня, этого от меня — *хотите*, оно — будет, т.е. я в нашем отношении окончательно перестану *быть*, сразу сниму все требования (и первое из них — равенство), приму заранее и заведомо — всё: Бог с тобой — только живи...

Но не будучи в состоянии Вам дать — ничего, кроме материнского зализыванья ран, звериного тепла души, — связанная по рукам и по ногам Вашим нежеланием другого себя, невмещением, невынесением другой (всей) меня — смогу ли я Вам быть радостью? — С зашитым — отказом — ртом.

Думайте.

Я Вас хотела (мечтала) большим, свободным, сильным, родным — так — чтобы на улице узнавали, шагающим в шаг.

Не можете — что ж, буду стоять над Вами, клониться, когда холодно — греть, когда скучно и страшно — петь.

Я хотела — оба (и шагать, и греть), Вы хотите — одного, пусть будет так, пусть будет, как Вам нужно, всё, что Вам нужно, то, что Вам нужно, так много — так мало — как Вам нужно. Во весь рост я живу в стихах, в людях — не дано, и

— И сердце ему говорит:

— Тебе больно, малыш? (фр.)

меньше всего (как ни странно) дано в любимых — нам — быть и жить. Другим от нас не больно, мы можем им говорить всю правду, не страшись — живого мяса. Я хотела Вас не только сыном, не только любимым, а еще — другом: *равным*. Но пора понять, что для себя мы ничего не должны хотеть, даже нашей радости чужому росту, что и это — себялюбие ("другому — как себе", нет: другому — как ему) пора принять, что любовь — окончательное и единственное нам на земле данное *небытие*: не будь, иначе ты другого заставляешь быть — "не даешь ему жить" (небыть.)

И — возвращаясь к Вашей боли: — мой друг, после Вашего письма о 3-ьем часе утра за 10-ой чашкой кофе — у меня и мысли не могло быть, что что-нибудь от меня Вам может сделать больно. Это письмо меня так *предельно* упразднило. Я написала Вам — для очистки совести, возвала — с последней и малой надеждой быть услышанной, сказала — потому-что не могла не сказать. Вы мне в этом письме сказали, что Вы — после двух месяцев дружбы со мной и со всем будущим этой дружбы — *мертвый*, и я, как всегда, поверила, а мертвому больно быть *не* может, потому что ему уже *было* больно, так было больно,— что и стал мертвый. *Гарантия*. Думать о том, что я могу Вам сделать больно — после *такого* Вашего заявления — было бы самомнением, а если бы Вы знали — как я от него далека!

Мой друг — совершенно уже по иному — без той радости — но может-быть еще глубже и мое —

Я Вас из сердца не вырвала и не вырву никогда.

Вы — моя боль, это был мой первый ответ на *то* Ваше письмо, я сразу поняла: — *беда!* И с тех пор — почти

непрерывная боль: сначала Вы сам, потом операция и страх за жизнь — потом известие об ухудшении — потом известие о почти-приезде в С.Пьер — потом разминовение с моей Швейцарией — потом конечный удар — последнее письмо: перспектива Вашего Монпарнасса и росписка в смерти... Потом — молчание на стихи, которого я не могла принять иначе, как оскорбления, в моем лице, *всех поэтов*.. И, наконец, последняя боль — что *невольно, невинно* — только тем, что встала во весь рост — на секунду распрямила наклон своей нежности — и сказала во весь голос — на секунду вышла из того вполголоса нежности — Вам сделала *больно*: только тем, что на секунду была — *всей собой*.

Родной, неужели Вы думали, что это так просто: очаровалась — разочаровалась, померещилось — разглядела, неужели Вы *правда* поверили — в такую дешевку?

Конечно, не напиши Вы мне, я бы Вам не написала — никогда (я себя знаю) ибо в Вашем молчании было оскорблено большее меня, то — за что жизнь отдам — и, *в моем лице* (я — последняя моя забота!) — все так оскорбленные *до* меня: от Франца Шуберта, чья любовь *не* понадобилась — до *le petite Marsel*...в этом молчании было оскорблено *всё* мною на на земле любимое — *обычным* оскорблением — незаслуженного презрения. И такое прощение было бы предательством.

Но, если бы Вы мне даже *никогда* не написали, и этим лишили меня возможности когда-либо окликнуть Вас — у меня навсегда, всюду, даже с очередной горячей головой на груди, в этой груди осталась бы *трещина*.

Не надо — другой головы. Ибо — верьте мне — я человек такой сердцевинной, рожденной верности, такого *единства*, что

— вовсе не уверенная, что это другому нужно или хотя бы — радостно — одна, для себя, из-за себя, сама с собой, сама перед собой, в силу своей природы *не могу* раздвоить своего существа иначе чем та река в моих стихах: чтобы остров создать — и обнять.³ (Как я счастлива, что это точнейшее подобие мне дали — *Вы!* И как я Вам за него благодарна.)

Я уйду от человека только когда воочию убедилась, что *я* (такая как я есть) ему не нужна — просто по бессмысленности положения. Но до этого — много еще воды утечет — и беды притечет!

Итак —

М.⁴

Примечания:

- 1 См. Прилож. к наст. письму.
- 2 11-е стих. цикла "Комедьянт". (1918г.).
- 3 Автоцитата из стих. "Обнимаю тебя кругозором" (цикл "Стихи сироте").
- 4 Неполный вариант этого письма впервые опубликован в жур. "Новый мир", 1969, № 4, с. 209-210 А.Эфрон с ее прим. по рукописной тетради М.Цветаевой (см. приложение).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

[Сентябрь 1936 года. Ванв.]

[...] Мне для дружбы, или, что то же, — службы — нужен здоровый корень. Дружба и снисхождение, *только* жаление — унижение. Я не бог, чтобы снисходить. Мне самой нужен высший или по крайней мере равный. О каком равенстве говорю? Есть только одно — *равенство усилия*. Мне совершенно все равно, сколько Вы можете поднять, мне важно — сколько Вы можете напрячься. Усилие и есть хотение. И

если в Вас этого хотения нет, нам нечего с Вами делать.

Я всю жизнь нянчилась с *немощими*, с *не хотящими мочь*, и если меня от этого не убыло, то только потому, что меня, должно быть, вообще убыть не может; если меня от этого не убыло, *тем* от меня — не прибыло. С мертвым грузом нехотения мне делать нечего, ибо это *единственный*, которого мне не поднять.

Если бы Вы ехали в Париж — в Национальную библиотеку или поклониться Вандомской колонне — я бы поняла; ехали бы туда самосжигаться на том, творческом, Вашем костре — я бы приветствовала. Если бы Вы ехали в Париж — за собственным одиночеством, как 23-летний Рильке, оставивший о Париже бессмертные слова: "Я всегда слышал, что это — город, где живут, по-моему — это город, где умирают" — ехали в свое одиночество, я бы протянула Вам обе руки, которые тут же бы опустила: будь один!

Но Вы едете к — — — овичу и К°, к ничтожествам, в ничтожество, просто — в ничто, в *богему*, которая пустота бóльшая, чем ничто; сгорать ни за что — ни во чью славу, ни для чьего даже тепла — как Вы можете, Вы, поэт!

От богемы меня тошнит — любой, от Мюргера¹ до наших дней; назвать Вам разницу? Тогда, у тех, был надрыв с гитарой, теперь — с "напитками" и наркотиками, а это для меня — помойная яма, свалочное место, — и смерть Поплавского,² случайно перенюхавшего героина (!!! NB! всё, что осталось от "героя") — для меня не трагедия, а пожатие плеч. *Не жаль*, убей меня Бог, — *не жаль*. И умри Вы завтра от того же — не жаль будет.

Да, недаром Вы — друг своих друзей, чего я совершенно не учла и не хотела учитывать, ибо свое отношение к Вам (к

Вашему дару) — построила *на обратном*.

Бедное "дитя города"! Вы хотите за такое — жизнь отдавать? Да такое ее и не примет.

Этой зимой я их (вас!) слышала — слушала целый вечер в Salle Trocadégo — "смотр поэтов". И самой выразительной строкой было:

И человек идет домой

С пустою головой...

Честное слово, этим человеком я себя почувствовала — после этого вечера.

Когда человек говорит: я — мертв, что же: попробуем воскресить! (*И воскрешала!*) Но когда человек говорит: я мертв и НЕ хочу воскреснуть, — милый друг, что же мне делать с трупом???

Мертвое тело с живой душой — одно, а вот живое тело с мертвой душой...

Я могу взять на себя судьбу — всю. Но не могу и не хочу брать на себя случайности (тей). *Лень и прихоть* — самые меня отвращающие вещи, Слабость — третья [...]

Примечания:

- 1 Мюржер — французский писатель Анри Мюрже (1822-1861), автор известной книги "Сцены из жизни богемы".
- 2 Поплавский Борис Юлианович (1903-1935), эмигрантский прозаик и поэт; погиб в результате отравления наркотиками.

12го декабря 1936 г., суббота

Милый Лёва,

Мне срочно нужен *точный* почтовый адрес Штейгера — в связи с его вечером.

Во-вторых: не знаете ли Вы где он в данную минуту — в Париже или загородом.

В-третьих: если он загородом — не знаете ли Вы *точный* маршрут к нему: ехать до Château de Vincennes* — а потом?

Очень прошу Вас сразу мне ответить, по возможности — рпс.^{**} Марки прилагаю.

Всего доброго. Спасибо заранее.

М.Цветаева

Vanves (Seine)
65, Rue J.V.Potin

Приписка снизу:

Наш №65, а не 33, а то может выйти путаница.

(На ксерокопии рукой А.С.Головиной написано "Савинкову"¹ — С.К.)

Примечание:

1 Цветаева обращается к сыну Б.В.Савинкова (см. прим. 12 на с. 122 наст. изд.).

---

* Венсенский замок (фр.)

** сокращение от poste pneumatique (фр.) — пневматическая почта.

30го декабря 1936 г., среда

Я не хотела писать Вам сгоряча того оскорбления, хотела дать ему — себе — остыть, и тогда уже — из того, что останется... (Осталось — всё)

Но нынче этому письму — последний срок, я не хочу переносить с собой этой язвы в Новый Год, но по старой памяти бережения Вас не хочу также начинать им Вáшего нового, нет, получите его в последний день старого, в последний день *нашего* с *вами* года, а дальше уж — у каждого свой: год — и век.

Начну с того, что тák оскорблена как Вами я никем в жизни не была, а жизнь у меня длинная, и вся она — непрерывное оскорбление. (Не оскорбляли меня только поэты, ни один поэт — никогда — ни словом ни делом ни помышлением, (Вы — первый) но с поэтами я мало жила, больше — с людьми)

Но если Вы, самим фактом оскорбления меня, попадаете в закон моей судьбы, то содержанием его Вы из него выступаете.

Если бы между *тем* Вами непрерывных зовов к себе — и тем — "большого путешествия по Швейцарии" без оставления адреса была бы наша живая встреча — я бы, пожав плечами, поняла: Вы могли ждать меня не такую, Вас например могли испугать мои седые волосы (говорят, в юности это очень страшно) — хотя, по мне, матери взрослого сына и не полагается молодости —, могло удивить, что я на 6 лет старше, чем на своем последнем вечере, могли не понравиться мои пролетарские руки, которых Вы на моих вечерах могли не разглядеть и никак уже не могли разглядеть в моих письмах — Вы просто могли меня (ту, в письмах) не узнать — бывает —
— и я бы *вчуже*, по слухам (такого "быванья") — поняла.

Но между Вами, непрерывно звавшим меня к себе сейчас,

именно — сейчас, сейчас, а не потом — и т.д. — и Вами "большого путешествия по Швейцарии" и "разрешите мне захватить к Вам Вас поблагодарить" — нашей встречи не было, нашей очной ставки не было, ничего не было, кроме всё той же моей любви к Вам. Я Вам разнадобилась до встречи, до которой Вы не дотянули, и ко мне в Ванв Вы *пришли* чужой, а не от меня — чужим — вышли.

...17го августа 1936г.

...У меня силы Вашей мечты нет и я без всякой покорности думаю о том что мы живем рядом, а видеть и слышать я Вас не могу. От Вас до Женевы — час, от Женевы до Берна — два часа — и от этого трудно не ожесточиться...

...поклонитесь мне, что прежде чем меня прогнать, разлюбить, обречь на опалу, заменить — Вы действительно серьезно подумаете или хотя бы сосчитаете до ста — что бы я ни сделал, что бы ни случилось, что бы Вам ни показалось. Потому-что я слишком устал и не хочу больше оставаться на улице. Если что-нибудь случиться — Вы будете виноваты, а не я. Предупреждаю Вас об этом заранее.

...М<ожет> б<ыть> за 10 дней случится чудо и Вы приедете?

Если хотите и умеете до гроба Ваш

16го или 17го декабря 1936г.¹

Я: — Вам от людей (NB! Вы знали — от каких) ничего не нужно?

Вы, с блаженной улыбкой: — Ни—че—го.

И дальше: — Разве Вы не можете допустить, что мне с Вами — приятно?

Мой друг, *Вы* может-быть знаете, что между тем до гроба и этим *приятно* — произошло, я — не знаю.

Я только знаю одно: Вы, к концу этого лета, постепенно начали меня — молчаньями своими, неотвечаньями, оттяжками, отписками, изъявлениями благодарности — с души — сбывать, а тогда, 16го или 17го, прямым: — Мне ничего не нужно — окончательно сбросили.

Но оскорбление даже не в этой *ненужности*: она для меня только — глубокое изумление (как я — да еще поэту — могу быть ненужна?)

Оскорбление в этой "приятности", которой Вы подменили — сыновность, — которую тогда приняли, которую тогда — *вызвали*, и которой я ни словом ни делом ни помышлением не предала и остановить которой в себе — потом — уже не могла и наверное уже *никогда* не смогу.

И, апогей всего, слово не *для меня* сказанное, при мне сказанное, мною только, во всей своей неслыханности, услышанное:

— Меня в жизни никто никогда не любил.

После этого я вся, внутренне, встала и , если еще досиживала, то из чистого смущения за Вас.

(Когда я прочла: до гроба Ваш — я сказала: Я от него не уйду никогда, что бы ни было — не уйду никогда, я от него в Советскую Россию *не* уеду. Никуда. Никогда.)

Теперь в двух словах: Вам было плохо и Вам показалось, что Вас все забыли, Вы меня окликнули — словами последнего

отчаяния и доверия — я отозвалась всей собой — Вы выздоровели и на меня наплевали — простите за грубое слово, это так называется.

Друг, я Вас любила как лирический поэт и как мать. И ещё как *я*: объяснить невозможно.

Даю Вам это черным по белому как вещественное доказательство, чтобы Вы в свой смертный час не могли бросить Богу: — Я пришел в твой мир и в нем меня никто не полюбил.

МЦ

Приписка снизу:

От меня Вы еще получите те — все — стихи.

Примечание:

- 1 Из письма Цветаевой Ю.Иваску явствует, что 23 ноября 1936г. она виделась со Штейгером в Париже. О других встречах с ним в эпистолярном наследии Цветаевой упоминаний нет.

Vanves (Seine) 65, Rue J.B.Potin

22го января 1937 г., пятница

Милый Анатолий Сергеевич,

Если Вы ту зеленую куртку, что я Вам летом послала, не носите (у меня впечатление, что она не Вашего цвета) — то передайте ее, пожалуйста, для меня Елене Константиновне,¹ с просьбой захватить ее, когда поедет, к *Лебедевым*.²

Она мне очень нужна для уезжающего.

Если же нóсите — продолжайте носить на здоровье.
Всего лучшего!

МЦ

Приписка снизу:

Пальто, о котором Елена Константиновна знает, лежит у Лебедевых и ждет ее.

Мой самый сердечный привет обоим Бальмонтам.

На Вашу долю выпало великое счастье: жить рядом с большим поэтом.

Примечания:

- 1 Елена Константиновна Цветковская — жена К.Д.Бальмонта.
- 2 Речь идет о близких друзьях Цветаевой, семье Лебедевых: Владимире Ивановиче (1883-1956) и Маргарите Николаевне (о ней см. письмо от 31 авг.).

СТИХИ СИРОТЕ

*Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.
Шла дорогой той старушка,
Пожалела сироту...*

1

Чедяная тиара гор —
Только брeнному лику — рамка.
Я сегодня плющу — пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Обгоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан —
Как ребенка за подбородок.

16-17 августа 1936

2

Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короною скал.
(Занимаю тебя разговором —
Чтобы легче дышал, крепче спал.)

Феодального замка боками,
Меховыми руками плюща —
Знаешь — плющ, обнимающий камень —
В сто четыре руки и ручья?

Но не жимолость я — и не плющ я!
Даже ты, что руки мне родней,
Не расплющен — а вольноотпущен
На все стороны мысли моей!

...Кругом клумбы и кругом колодца,
Куда камень придет — седьм!
Круговую порукой сиротства, —
Одиночеством — круглым моим!

(Так вплелась в мои русые пряди —
Не одна серебристая прядь!)
...И рекой, разошедшейся на две —
Чтобы остров создать — и обнять.

Всей Савойей и всем Пьемонтом,
И — немножко хребет надлома —
Обнимаю тебя горизонтом
Голубым — и руками двумя!

21-24 августа 1936

(ПЕЩЕРА)

Могла бы — взяла бы
В утробу пещеры:
В пещеру дракона,
В трущобу пантеры.

В пантерины лапы —
— Могла бы — взяла бы.

Природы — на лоно, природы — на ложе.
Могла бы — свою же пантерину кожу
Сняла бы...

— Сдала бы трущобе — в учёбу!
В кустову, в хвощёву, в ручьёву, в плющёву, —

Туда, где в дремоте, и в смуте, и в мраке,
Сплетаются ветви на вечные браки...

Туда, где в граните, и в лыке, и в млеке,
Сплетаются руки на вечные веки —
Как ветви — и реки...

В пещеру без света, в трущобу без следу.
В листве бы, в плюще бы, в плюще — как в плаще бы...

Ни белого света, ни черного хлеба:
В росе бы, в листве бы, в листве — как в родстве бы...

Чтоб в дверь — не стучалось,
В окно — не кричалось,
Чтоб впредь — не случилось,
Чтоб — ввек не кончалось!

Но мало — пещеры,
И мало — трущобы!
Могла бы — взяла бы
В пещеру — утробы.

Могла бы —
Взяла бы.

27 августа 1936
Савоя

4

На льдине —
Любимый,
На мине —
Любимый,
На льдине, в Гвиане, в Геенне — любимый.

В коросте — желанный,
С погоста — желанный:
Будь гостем! — лишь зубы да кости — желанный!

Тоской подколенной
До тьмы провалённой
Последнею схваткою чрева — жаленный.

И нет такой ямы, и нет такой бездны —
Любимый! желанный! жаленный! болезный!

5-6 сентября 1936

5

Скороговоркой — ручья водой
Бьющей: — Любимый! больной! родной!

Речитативом — тоски протяжней:
— Хилый! чуть-живый! сквозной! бумажный!

От зева до чрева — продольным разрезом:
— Любимый! желанный! жаленный! болезный!

9 сентября 1936

Наконец-то встретила
Надобного — мне:
У кого-то смертная
Надоба — во мне.

Что́ для ока — радуга,
Злаку — чернозем —
Человеку — надоба
Человека — в нем.

Мне дождя и радуги
И руки — нужней
Человека надоба
Рук — в руке моей.

Это — шире Ладоги
И горы верней —
Человека надоба
Ран — в руке моей.

И за то, что с язвою
Мне принес ладонь —
Эту руку — сразу бы
За тебя в огонь!

11 сентября 1936

(7)

В мыслях об ином, инаком,
И ненайденном, как клад,
Шаг за шагом, мак за маком —
Обезглавила весь сад.

Так, когда-нибудь, в сухое
Лето, поля на краю,
Смерть рассеянной рукою
Снимет голову — мою.

5-6 сентября 1936

*Печатается по изданию:
Марина Цветаева. Избранные
произведения. СП, М-Л, 1965*

Оглавление

Несколько слов от составителя.....	3
Анатолий Сергеевич Штейгер.....	6
Письма.....	11
Стихотворный цикл "Стихи сироте"	149

*Письма Марии Цветаевой Анатолию Штейнгару
сохранены после его смерти благодаря заботам
Аллы Сергеевны Головиной.
Светлая ей память.*

*Музей М.И.Цветаевой в Болшево
благодарит за помощь в издании этой книги
господина барона де Патиши,
А.Кветковскую (Поповскую),
Р.Х.Макову, Н.П.Игнатьеву и Г.В.Чехомову.*

Корректурa: Т.М.Баташева, Г.Л.Мазалецкая
Компьютерная верстка: О.Жилкин

ISBN № 5-900612-04-х
© Издательство «Луч-1», 1994г.

ЛР № 062583 от 6.05.93 г.
Формат 60 х 84 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.печ.л.10.
Тираж 5000 экз. Заказ тип.№ 4779

Издательство «Луч-1». 141070, г.Калининград
Московской обл., ул.Октябрьская 15/16

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме
"Красный Пролетарий"
103473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16.